

Философия Сократа

Томина Татьяна

Татьяна Анатольевна Томина

Философия Сократа

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69728755

SelfPub; 2023

Аннотация

В сборнике представлен краткий поэтический пересказ избранных "Диалогов Платона".

Татьяна Томина

Философия Сократа

Вступление от автора пересказа

Философ древности Сократ⁽¹⁾ оставил в назиданье
О жизни мысли, о судьбе, об умственном старанье.

Он книжек разных не писал, вещал он молодежи.
Его все мысли нам донёс Платон – философ тоже.

Когда семидесяти лет он возраста достиг,
Его упрятали в тюрьму, чтоб не смущал других.

И даже более того – приговорили к смерти.
Благодарим тебя, Платон, за «Диалоги» эти.

⁽¹⁾ Сократ – один из наиболее известных древнегреческих философов, родился в Афинах предположительно в 469 г. до н.э. в семье скульптора и повитухи, посвятил свою жизнь бесплатным философским беседам в общественных местах, в основном, с молодежью, в 399 г. до н.э. был обвинен недоброжелателями в растлении молодежи и вере в новых божеств, осужден, признан виновным и приговорен к смерти, отказался от штрафа в качестве альтернативы, предпочел на-

казание за свою истину в виде смертной казни путем отравления цикутой, он не был автором текстов и известен по посмертным рассказам его учеников, главным образом, Платона – древнегреческого философа (427–347 г.г. до н.э.)

Примечание: Нумерация стихов условная

Стих 1. Критон

В темницу, где сидел Сократ,
Пришёл Критон, он друг его.
Философ другу очень рад,
Не сетует, что очень тяжело.

Критон спокойствию Сократа удивлён -
Спал сладким сном, а смерть его близка.
Сократ ответил другу своему:
«Бояться смерти – не в мои года».

Критон не в первый раз уже твердит:
«Решайся на побег, мой друг Сократ,
Иначе общество всех нас и не простит -
Мол, денег пожалели, хоть им брат».

Сократ сказал: «Приличные поймут,
Не важно, большинство что говорит».

Критон на то ответил так ему:
«То большинство сегодня зло вершит.

Не бойся, что я потеряю всё -
Уедем мы в далёкие края.
Не выбирай же легкого пути,
Не думай о себе и детях зря».

Сократ на эти гневные слова
Заводит речь, чьё мнение ценить:
«Ведь для гимнаста ценно только то,
Что будет врач иль тренер говорить».

Критон согласен с мнением таким.
Сократ же заключение выдаёт:
«Не надо слушать мнение невежд,
Пуускай оно и к большинству придёт».

«Хотим мы жить не просто хорошо» -
Сократ то рассужденье продолжает –
«По справедливости желаем жить,
Об этом каждый афинянин знает.

Несправедливые поступки – это зло,
А злом на зло не стоит воздавать.
Я если убегу от афинян,

То справедливо ли – давай решать.

Жил я Афинах очень много лет,
Законы, Государство почитал,
От них я получил немало благ,
И мудрость мира здесь я познавал.

А если соберусь я убежать,
Законы, Государство я предам.
Они придут и могут мне сказать:
«За что же ты теперь не верен нам?»

Ты мог уехать в дальние края,
Мы никого не держим силой тут.
Нужны тебе мы были до поры,
Похоже, про порядочность то врут».

Отечеству не принесу я вред,
Законы и устои подрывая.
Не мог в суде я правду доказать,
Так, значит, у меня судьба такая.

В любой стране, куда б ни убежал,
Клеймо врага законности б висело.
Скажи, Критон, так прав я иль не прав?
Побег – несправедливое то дело».

Критон согласен с выводом таким,
Хоть сердце друга кровью облилось.
Не мог Сократа вывод быть другим –
За принцип пострадать ему пришлось.

Стих 2. Феаг

Сократа встретил Демидок,
Он просит дать ему совет –
Как с сыном поступить ему,
Чтоб не узнал тот в жизни бед.

«Растенья, звери, человек –
Живое всё в одном ладу.
Я знаю, вырастить как сад,
Ключ к воспитанью не найду.

Сын хочет мудрым стать не год,
Не устаёт меня просить -
К софистам⁽²⁾ очень рвется он.
Не знаю, можно ль отпустить.

Для тела и ума чтоб вред
Столичная учеба не имела,

Хочу твой выслушать совет,
Пока всё не дошло до дела».

Сократ, сказал: «Советы – от богов,
А в воспитании важно' старанье.
Мне надо с сыном говорить,
Чтоб понял я его желанье».

Феагом прозывался друга сын.
Сократ в беседу с ним вступает,
Вопрос он задает и не один,
Ответы, в общем-то, сам знает.

«Мы мудрым называем лишь того,
Кто знаниями о мире обладает.
Ты многие искусства изучил,
А мудрости тебе всё ж не хватает.

Я понимаю знания кораблей
Иль колесниц и ими управленье.
Чем управляет мудрость та,
К которой у тебя стремленье?»

Феаг ответил, что стремится он
До мудрости правления людьми.
Сократ сказал, что с помощью неё

Иных в тиранов превратить смогли.

«Феаг, ты просишь доброго отца
Учиться на тирана отпустить?»
Феаг ответил: «Нет, Сократ, ты что!
Хочу я только справедливым быть».

«Феаг, скажи, но разве не у тех,
Кто знает дело, надо всем учиться?
Отец твой управляет хорошо,
И что ж – в учителя он не годится?».

Феаг на это говорит отцу:
«Учи'теля я для себя нашёл -
Сократ научит мудрости меня,
И от неё всем будет хорошо».

Сократ ему пытался объяснить,
Что польза от Сократова ученья
И нужной, и ненужной может быть,
Феаг не слушал эти возраженья.

(2) софисты – древнегреческие платные преподаватели разных наук того времени с главным упором на риторику (красноречие) и диалектику

Стих 3. Алкивиад II

Алкивиада увидал Сократ,
Тот к храму держит путь,
Но задержался, встречи рад -
Немного мудрости вдохнуть.

Сократу интересно знать,
Какую он молитву богу сложит.
«Ты знаешь – и добром, и злом
Молитва обернуться может».

«Ты что, Сократ, безумец тот,
Кто бога о несчастье просит!».
Давай, послушаем, мой друг,
Какой он смысл в словах доносит.

Дальнейшее – Сократа речь,
Алкивиад во всём согласен.
И не приводим мы ответ,
Он без указки нам всем ясен.

«Нельзя считать, что человек -
Разумен иль безумен лишь бывает.
Разумных мало среди людей -

Наш мир в безумстве пребывает?

Допустим, что глаза болят,
То значит, болен ты сейчас.
Но если «болен» говорят,
Не следует болезни глаз.

Допустим, плотник ты у нас,
Тебя мы мастером зовём.
Но если мастер ты, не значит,
Что плотником заходишь в дом.

Так и людей нам неразумных
Безумцами негоже звать,
Средь них – глупцы или невежды,
Наивных можно отыскать.

Разумны ж люди только те,
Кто речи, дело понимают.
В молитвах можно их узнать,
Они о благе верно знают.

В молитву неразумный человек
Что благо, вроде бы, включает,
На деле – зло получит он,
Когда последствия не знает.

Бог может предложить ему
Европой иль Элладой⁽³⁾ править.
Он будет рад, забыв – судьба
Тиранам любит смерть доставить.

Все люди молят бога дать детей,
Потом их мучает плохое поведенье
Иль смерть детей, но всё равно -
Они в молитве не изменят мненье.

Незнание тоже может благом быть -
Про обстоятельства пусть спросят.
Ведь знания без оценки верной их,
Так часто пользу не приносят.

Разумным быть не может человек,
Когда последствий дела он не видит.
Пусть много знает он, но знаньем тем
Без примененья с толком всех обидит.

Такие многознайки – неразумны,
Совет они не могут дельный дать.
Ораторов подобных здесь не мало,
Но ветер нужный с ними не поймать.

В молитвах будь ты осторожен,
Желаний опасайся ты иных,
Иначе ненароком можно
Страданья получить от них.

По разному все молятся народы.
В Лакедемоне⁽⁴⁾ жертв богатых нет
И просят у богов они немного,
За что их любят те в ответ.

В Афинах же обильны приношенья,
Но просят слишком много от богов,
То не по нраву и в отместку людям -
Нередки пораженья от врагов.

Задабривать богов не стоит,
С ростовщиком их ставя в ряд.
Чтобы молиться, всё же надо
Снять пелену с глаз – не идёт наряд».

Закончив с мудрецом беседу,
Алкивиад раздумал в храм идти -
Сначала в голове своей порядок
И знания он хочет обрести.

(3) Эллада – общее название территорий древнегреческих

государств

(4) Лакедемон – древнегреческое государство (другое название Спарта) на юге полуострова Пелопонесс, одноименный город

Стих 4. Менексен

Сократ встречает Менексена,
Он из Сената путь держал.
Сократ был удивлен: «В сенате
Что делал? Юн, чтоб управлял».

– «Решают там, о погребенье, -
Кто павшим речь произнесёт».
– «Достоин павший восхваленья,
Богач, бедняк – любой народ.

Под впечатлением речей я,
Хоть речь искусна не всегда,
Ведь складность речи стоит мало,
Хвалебна зрителям когда».

– «Смеёшься ты, а смог бы тоже
Произнести там речь, Сократ?»
– «Риторика знакома всё же -

Аспазии⁽⁵⁾ урокам рад.

Недавно речь её я слышал,
Героям речь посвящена.
Хвалу Афинам к афинянам
Сказала длинную она».

– «Всё в тайне сохраню, Сократ, я,
Ту речь услышать я хочу».
– «Так слушай, наберись терпенья,
Хоть с временем я не шучу:

«Когда мы речь о павших молвим,
Прославить надо их, друзья,
Живым поставить их примером,
Забыть и про родных нельзя.

Напомнить надо благородство -
Среди достойных рождено.
Присуще было им упорство,
Что в воспитании видно'.

О подвигах их всем поведать,
Зажечь в сердцах восторга пыл,
Чтобы дела увековечить,
Чтобы народ их не забыл.

О корне благородства павших
Нельзя забыть, он здесь – у нас.
С рассказом об Афинах славных
Польются слезы из всех глаз.

За город добрый наш Афины
Богам привычно воевать.
Он дал всем злаки, потому-то
Афины – человеку мать.

Здесь боги славно потрудились -
Жить научили, воевать.
А чтобы жизнь была получше -
То государство основать.

Есть города – тираны правят,
Здесь – демократии закон,
Нет рабства и пред тем законом
Всяк равен, хоть и беден он.

В свободе павших воспитали,
Достойны павших все дела.
Отдали за Элладу жизни -
Эллада их так родила.

Мы не забудем наших предков,
В боях что с персами легли.
Лакедемон пришел на помощь,
Врагов всех победить смогли.

Потом – сраженья меж собою,
А в них закон у нас таков -
Когда сраженья меж своими,
Победу ждём, не смерть врагов.

Те битвы принесли нам славу,
Защитники здесь все лежат.
Наследники мы их по праву,
Поэты тоже не молчат.

Бесчестному не жить в Афинах -
Не мило то ни людям, ни богам,
И труса красота или богатство
Была во все века противна нам.

Не надо жить заслугами от предков,
Сокровище то расточать нельзя,
Поэтому важны свои заслуги -
Напомнили об этом мы не зря.

Родители, мужайтесь же в несчастье,

Воспитывали не бессмертных их.
Вы доблесть дали им свою в наследство,
Теперь должны подумать о других.

Мы говорим, что «Ничего сверх меры» -
Свою печаль о них умерьте вы.
Нужна поддержка семьям и их жёнам,
И нашу помощь в жизни ждут сыны.

Афины, надо, чтоб героев семьи
Имели всё, что нам велит закон -
Отцы и матери в довольстве жили,
А сыновьям представьте лучший дом.

Отдали почести мы павшим,
Теперь мы можем уходить».
«Какая речь!» – восторг у Менексена,
Сократ сказал: «Другие могут быть».

(5) Аспазия – одна из знаменитейших женщин Древней Греции, родилась около 470 г. до н. э., отличалась красотой, природным умом и образованностью, её дом посещали значительнейшие и образованнейшие люди Афин

Стих 5. Евтидем

Критон встречается раз Сократа:
«Скажи, вчера с кем говорил?».
«То чужеземные два брата,
Я с ними Клиния учил.

Они славны' в искусстве спора,
Им в рассужденьях равных нет,
Причем, не важно, что промолвят –
И ложь, и истина в ответ.

Хочу пойти сам к ним учиться,
Пошли, Критон и ты со мной».
«Не знаю – польза ли случится,
Ты мне искусство их раскрой».

«О добродетели их речи.
Я попросил их показать
Свое искусство на примере
И Клиний был тому под стать.

Он юн, но му'дры его речи,
Согласен быть учеником.
И Евтидем его приметил,
Беседу с ним так начал он:

«В ученье кто идёт обычно,
Мудрец, невежда, ты скажи?»
«Мудрец» – ответ был очевиден,
Но Евтидем смутил умы –

«Учитель учит, в чём нет знаний,
И, значит, ты не мудрый всё ж,
Тебя невеждой называем,
Ответ твой, Клиний, не хорош».

И брат его вступил в беседу:
«Кто лучше выучит урок? -
Мудрец, невежда, ты скажи нам,
Кто сдаст свою работу в срок?»

«Мудрец» – ответил Клиний снова,
– «Вот видишь, ты попал впросак,
Решить не можешь, ты, однако,
Кто лучше учится, никак.

Чему учитель всех нас учит? -
Тому, о чём не знаем мы.
Ты буквы Клиний, верно, знаешь,
И значит, учишься не ты».

Беседу эту постоянно

То смех, то хохот прерывал.
Решил тогда я уж вмешаться,
Чтобы мальчишка не пропал.

– «С тобой играют словно в мячик,
Их речи – пляски, хоровод.
Мешают ловко все понятия,
В чём смысл не каждый и поймёт.

«Учиться» слово многозначно,
То значит – знания получать,
Но также и свои познания
О чём угодно развивать.

Учиться может как невежда,
Так и разумный человек.
Не «пудрили» б мозги мальчишке,
А то не кончим мы вовек.

Навряд ли, пользу принесём
Искусством «как играть словами».
Я жду, что к делу перейдём,
А развлекайтесь так вы сами.

Но я хочу всем вам сказать,
Что думаю, об этом деле –

Как мудрости учить людей,
Чтобы учиться захотели.

Стремимся к благу в жизни мы,
В богатстве, доблести, здоровье
Мы видим счастья для себя
И мудрость – тоже не присловье.

А счастлив ль каждый человек,
По мудрости молва рассудит.
Флейтист иль врач, или моряк
Без знаний неудачен будет.

Но знанья тоже не всегда
Нам пользу в жизни доставляют.
И надо знать, как применить
То знанье, что о деле знают.

Не будет пользы от того,
Что пищи и питья немало,
Когда не можем мы её
Употребить, чтоб лучше стало.

И если мастер инструмент
Всегда в обилие хранит,
Не будет пользы от него,

Коль знание его молчит.

Всё в мире – не добро, не зло,
Но чёткие две вещи есть:
Вся мудрость в жизни – это благо,
С невежеством же зла не счесть.

И если в мире правит неуч,
Он будет зло лишь приносить,
Причём оно тем большим будет,
Сильнее чем его хвалить.

Чтоб зла не принести от благ,
Нам знания нужные б иметь.
Вот для чего учиться надо,
И мудрым в жизни стать хотеть.

Закончив эту речь, мой друг,
От юноши согласие получил.
Вновь к Евтидему обратился,
Чтоб он своё ученье изложил».

Но старший брат узнать стремился,
От мальчика чего мы ждём, -
Чтоб стал он мудрым – изменился?
Но ведь ему погибель в том.

Ктесипп обиделся на это:
«Эй милый, это клевета!»,
На что и получил ответно -
Мол, ложь сказать никак нельзя.

Ведь ложь, по мнению софистов,
Та вещь, которой в жизни нет.
А если мы что произносим,
То это точно видел свет.

Ктесипп в запале отвечает,
Что смыслы губят все они -
Хороший точно правду знает,
Дурные правды лишены.

«Не ссорьтесь» – попросил Сократ их -
«Пора нам к делу перейти,
Искусство пусть на мне покажут,
Могу я жертву принести.

Про ложь давно уже я слышал,
О том – что ложь нельзя сказать.
Раз все разумными бывают,
Чему ты учишь, мне б узнать?»

«К словам не надо придирааться» -

Ответил младший – Евтидем.

«Болтают эти люди много» -

Сказал Сократ на это всем.

– «Мы ждём от вас серьёзной речи.

Пред тем хочу вам повторить,

Зачем искать нам стоит знанья,

Чему положено учить.

Ты помнишь, Клиний, мы сказали,

Что надо мудрость получить,

При этом важно, чтобы знали,

Не только как – зачем ей быть.

Узнать мы может, как бессмертье

Для множества людей достать,

Но проку будет в том не много,

Когда в чём польза – не понять.

Обычно знанье об уменье,

Как сделать вещь, не может дать

Искусства вещи примененья,

Ведь сделать флейту – не играть.

И знанье лишь искусства речи

Не может счастье принести.
Как заклинатели на змеях
На людях действуют они.

Быть может, Клиний, полководец –
Вот знание, где счастье нам?»
«Нет, все трофеи боя, вроде,
Слагает он всегда властям».

Мы рассмотрели все науки,
Не удалось нам той найти,
Чтоб, овладев одною ею,
Смогли мы счастье обрести.

К гостям я обратился снова:
Им бы уменье показать,
Раз говорят, что сможет скоро
Из неуча достойным стать.

Я Евтидема рассуждение
О знании представлю здесь,
Потом и выводы представлю,
Хочу я сбить с софистов спесь».

– «Мы знаем всё или не знаем,
Другого в мире просто нет,

Доказывать то не желаем,
И вам даём такой совет.

Мы знаем, сколько звезд на небе,
Как делать сложный кувырок.
Пусть кто обратное докажет,
У нас он вызовет восторг.

Не надо в наши рассужденья
Условия от вас вносить,
Какая разница, что спросим,
Вам надо кратко говорить.

И если золото – это золото,
А человек – то человек,
Тогда отца зовём отцом мы,
Другим не будет он вовек.

И если он отец щенячий,
А те щенки у вас в дому,
Мы утверждаем – он отец вам,
Другого мненья не приму.

И если для больного благо –
Лекарство вовремя принять,
Чем больше этого лекарства,

Тем большим благом обладать».

«Вот часть речей от этих братьев» -
Сказал Сократ, в конце концов, -
«Не буду всё перечислять я,
Для тех речей не хватит слов.

Они смешали все понятия,
Отвергнув то, что знает свет.
Их парадоксы – словно платья,
Что можно снять, а можно нет.

Все эти речи – для немногих,
Не надо их нести в толпу,
Ведь научиться так легко им.
Я к ним учиться я пойду».

Критон сказал на это другу:
«Нет, не пойду я за тобой.
Услышал мнение вчера я -
Сократ занялся ерундой».

«Такое мог сказать политик,
К философам он тоже вхож.
Кто посередке прибывает,
Для дела важного негож».

– «Скажи, Сократ, сынов учить как?

Науки мудрой не забудь».

– «Учить всему, конечно, надо,

Чтоб выбрали они свой путь.

А философию, Критон мой,

Советую всё ж испытать,

Тогда с открытыми глазами,

Учить ль её, ты будешь знать».

Стих 6. Гиппий меньший

Что у Гомера⁽⁷⁾ превосходней,

Гость Гиппий как-то рассуждал,

И «Илиаду» «Одиссеи»

Он принародно восхвалял.

Что, мол, Ахилл⁽⁸⁾ из «Илиады»

Достойней Одиссея⁽⁹⁾ был.

На то Сократ просил различья

Их указать, умерив пыл.

«В войне Троянской⁽¹⁰⁾ самый лучший –

Ахилл» – гость Гиппий отвечал -
«А Одиссей во всём был хитрый,
Он ложь как знамя поднимал».

– «По-твоему не может в жизни
Правдивый хитрым быть подчас?»
«Да» – Гиппий отвечал – «конечно,
Не совместимо это в нас».

– «Скажи мне, Гиппий, если в счёте
Ты сведущ, но захочешь врать,
Ты обмануть нас лучше сможешь
Невежды – правду не сказать?».

Согласьем Гиппий отвечает
На все Сократовы слова
И Гиппий тот пока не знает,
Подвох в чём – не его вина.

– «В любом искусстве или деле
Достойный может лучше лгать
И как бы ты не отрекался,
Правдивый лживым может стать.

А значит Одиссей с Ахиллом
Сходны по качествам во всём».

– «Но Одиссей лжет непрерывно,
Ахилл – когда не сведущ в чём».

– «Но, Гиппий, мы уже признали –
Во лжи – умелый лучший всё ж,
И значит Одиссея хитрость
Достойней чем Ахилла ложь».

– «Сократ, мне странны твои речи –
Проступки с умыслом вредней».

– «О, Гиппий, жажду я ученья,
Ты мудрость преподай скорей.

Пока же я имею мнение,
Его попробуй ты сломать -
Что лгать осознанно достойней,
Чем по незнанию станешь лгать.

Допустим, в беге ты – из первых,
Но хочешь медленно бежать,
Ты всё равно достойней тех, кто
Тебя не может обогнать.

Допустим, претворился хро'мым,
Ты будешь лучше всё равно,
Тех, кто хромает от природы.

Рассмотрим так же ремесло.

Ведь если что-то ты умеешь,
Но притворился, что дурак,
От этого твое уменье
Не станет хуже. Что не так?

А значит и душа достойных,
Злом с умыслом когда грешит,
Достойнее души невежды,
Кто зло невольно совершит.

Мой вывод – грех, что от достойных,
Кто с умыслом зло причинил,
Всё меньше, чем грех от невежды,
И меньшей кары заслужил.

– «Сократ, все мысли ты запутал
И не согласен я с тобой!»
«Я, Гиппий, сам с собою в ссоре,
Мою ты душу успокой».

(7) Гомер – легендарный древнегреческий поэт-сказитель, создатель эпических поэм «Илиада» и «Одиссея», жизнь датируется VIII-VII вв. до н. э.

(8) Ахилл – персонаж древнегреческой мифологии, участ-

ник Троянской войны, один из главных героев «Илиады» Гомера

(9) Одиссей – персонаж древнегреческой мифологии, царь Итаки, участник Троянской войны, главный герой «Одиссеи» Гомера

(10) Троянская война – легендарная война, сказания о которой были распространены в греческом народе ещё до сложения Гомеровского эпоса «Илиада» и «Одиссея», поводом к войне Гомер указывает реальный исторический факт похищения Елены – жены Менелая, царя Спарты, датируется VIII-VII вв. до н. э.

Стих 7. Алкивиад I

Алкивиад всё удивлялся,
Поклонников, как прежде, нет,
Один Сократ из них остался,
Его он просит дать совет.

Сократ с готовностью ответил:
«Помочь тебе я в этом рад
И объяснить я постараюсь,
Не жду я от тебя наград.

Твоя гордыня – в том причина,

Ты говоришь: «Все не нужны,
Душой и телом я вас лучше,
Богатства тоже ведь важны».

Но даже если будут люди
Тебя за это почитать,
Ты не доволен станешь этим -
Стремишься миром обладать».

– «Сократ, а где твоя здесь польза?
Что ты преследуешь меня?»
– «У власти буду я с тобою,
Но путь к ней знаю только я».

– «Допустим, есть к тому стремленье,
Но роль твою я не пойму».
Сократ всё объяснил толково.
Их диалог здесь приведу.

– «Чтобы давать совет народу,
Как лучше в жизни поступать,
То надо выучить предмет нам
Или предмет тот отыскать.

Учился грамоте, борьбе ты,
Как на кифаре⁽¹¹⁾ проиграть.

Всё это знают афиняне.
Чему их будешь обучать?».

– «Хочу советы дать народу,
Как государством управлять.
Вопросы и войны, и мира
Как правильнее им решать».

– «В искусстве о войне и мире
Что главное, считаешь ты?»
– «Я думаю, что справедливость,
Об этом говорят умы».

– «Кто научил тебя науке,
Как справедливость отличить?
Пойду к нему и я учиться,
Хочу, как ты, учёным быть».

– «Нет, справедливости не учат,
Я, видно, сам к тому пришёл».
– «Я помню, что ещё мальчишкой
Ты знал, что плохо, хорошо».

– «Так значит, я узнал от многих.
Что справедливо, знает свет».
– «Но многие лишь знают точно,

Что это – лошадь, а то – нет.

А вот ответить про породу,
Про виды бега лошадей,
То многие совсем не могут.
То важно и насчёт людей.

У многих, справедливо ль дело,
Ответ получишь разный ты.
И часто от ответов этих
Зависит весь исход войны.

Ты вспомни споры о Елене,
Их нам Гомер всем рассказал.
Иль споры вокруг Пенелопы⁽¹²⁾,
Где Одиссей чужих прогнал.

А если мнения у многих
Разнятся не по пустякам,
Они в вопросах сих невежды.
У них учиться стоит ль нам?

Мой вывод – ты не обучался
И сам не смог то разыскать.
Зачем же ты учить желаешь тому,
Что ты не можешь знать?»

– «Но афиняне сами знают,
Что справедливо, а что нет.
Я научу их, как узнать всем
Про пользу, дам им в том совет».

– «Ты, значит, различаешь пользу
И справедливость, милый мой?
Тогда ответь, что значит польза,
Мою ты душу успокой».

– «Заносчив ты, Сократ, однако,
Не буду я здесь речь держать».

– «Ну что ж, смогу я, если хочешь,
Тебе иное доказать».

В бою ты мужество проявишь
И друга ты в бою спасёшь,
Но жизнь свою, на горе близким,
Ты сам себе не сбережёшь.

Спасеньем ты приносишь благо,
А смертью – зло, вот парадокс.
Одно и то же дело часто -
Добро и зло, ведь много слёз.

Поступишь хорошо – то благо,
А благо – польза для людей.
И справедливость – то прекрасно,
Прекрасно – хорошо везде.

Мой вывод – справедливость также
И пользой можем мы назвать.
Похоже, ты со мной согласен -
Не знаешь, что мне и сказать.

Колеблются тогда лишь люди,
Когда неведом им предмет
Или когда они невежды,
У тех на всё готов ответ.

Невеждам дело дать опасно,
Чем больше де'ла, больший вред.
И как всё это не ужасно -
Не нужен людям твой совет.

Не знаешь ты про справедливость,
А сам в политику идёшь,
Что очень часто происходит,
Достойных мало в ней найдешь».

– «Согласен в том, Сократ, с тобою,

Но смысл в ученье не пойму.
Учиться мне, Сократ, не стоит -
Природных качеств сыщешь тьму».

– «Тебя те речи недостойны.
Соперников здесь не найдешь,
Но в Персии, Лакедемоне
Соперники получше всё ж.

Бороться с тем тебе придётся,
Кто доблестью не отличён,
Они к нам прибыли не править,
А черни угождать во всём.

Но если мыслишь ты о славе
Персидских иль других царей,
Усвой, что родовитость, знанья,
Богатства – всё у них мощней.

Таким противникам представить
Придётся многое тебе –
Важны искусства, прилежанье,
Познанье самого в себе».

– «А что такое прилежанье?
Сократ, на мой вопрос ответь».

– «Учиться надобно, мой милый,
Ты сбрось с себя всю эту спесь.

Годами разны мы с тобою,
Но я всегда всему учусь.
Учитель твой – перед тобою,
Мой – бог, и мудростью горжусь.

Нельзя в ученье колебаться.
Теперь скажи, что хочешь ты?»
– «Хочу я лучшим стать в Афинах,
Где добродетельны умы».

– «Что значит – «лучший»? -
Коль сапожник тачает ловко сапоги,
Не значит, сшить мне плащ сумеет,
Пример осмыслить ты смоги.

Выходит человек и лучший,
И он же худший может быть.
Чему учиться ты желаешь?»
– «Как государство укрепить».

– «А что нам важно в государстве?»
– «Согласие всегда во всём».
– «Но это качество, однако,

В одном мы доме не найдём.

Жена всё знает о домашнем,
А муж – о том, как воевать.
Что ж получается – то плохо,
Коль каждому своё лишь знать?

Все занимаются там делом.
Что благоденствия там нет?
Ошибка в наших рассужденьях,
Давай искать другой ответ.

Вопрос рассмотрим о заботе,
Ты молод – важно то в судьбе.
Забота может о себе быть
Или о том, что на тебе.

Гимнастика нужна для ног нам,
Сапожник нужен для сапог.
Что «сапоги», когда не знаем,
Сапожник выйдет за порог.

Как можем становиться лучше,
Когда не знаем мы себя?
Заботу мы о чём проявим,
Когда в потёмках – что есть «я»?

Ведь человек – не только тело,
Мы знаем, есть ещё душа.
Когда общаемся мы с кем-то,
Душа для этого нужна.

Ведь «тело» – это чем владеешь,
Но «ты» – «душа», и в том ответ:
Что если только тело правишь,
Тебе в том пользы много нет.

Мой вывод – чтоб познал себя ты,
То надо душу познавать.
Когда лишь тело тебе важно,
Душе заботы не достать.

Вот и поклонники отстали -
Ведь телу скоро увядать.
Я душу у тебя всё ж вижу,
А ей сейчас и расцветать.

И чтоб душа не огрубела,
Пригубив яду от толпы,
В политику иди, лишь только
Достигнув совершенства ты.

Познать себя – такое дело,
Его то сразу не поймешь.
И в зеркале себя глаз видит,
Но и в зрачке другого тож.

Так и душе – себя увидеть -
То в душу мудрого взглянуть.
Чтоб свойства мы свои узнали,
Иди к душе – огромный путь.

Себя познав, других познаешь,
И то позволит управлять,
В делах домашних, в государстве
Ошибок меньше совершать.

Но в управленье государством
Свобода властвовать вредна.
И если нет ума у власти,
Судьба печальная видна.

Тиран погубит добродетель.
Тираном ты не хочешь быть?
Так научись сперва науке,
Как добродетельным прослыть.

Приобретёшь ты эти знания,

Коль Бог захочет нам помочь.
Хотя всё может приключиться,
Наш город нам не превозмочь».

(11) кифара – древнегреческий музыкальный инструмент

(12) Пенелопа – персонаж древнегреческой мифологии,
жена Одиссея царя Итаки, главного героя «Одиссеи» Гомера

Стих 8. Лахет

В Афинах был турнир в доспехах,
На лошадях тяжёлый бой.
Когда закончилось сраженье,
Возник вдруг диспут непрстой.

Там Лисимах, известен всем он,
К Лахету с Никием пристал.
У них он попросил совета -
В чём сыновей учить бы стал?

Отец оставил с ним занятия,
Когда он несколько подрос,
В делах он города был занят.
Как поступить ему? – Вопрос.

– «Борьбе в доспехах обучать их?
Иль это дело – ерунда.
Советов жду от вас разумных,
Чтоб в дом мой не пришла беда».

– «Зачем у нас ты вопрошаешь,
Когда Сократ средь нас стоит?
Пусть он моложе, то не важно,
Всегда он мудро говорит».

Сократ сказал: «Хочу послушать
Сейчас известных мудрецов -
Учить ли бою сыновей вам,
Исполнив главный долг отцов».

«В доспехах бой» – ответил Никий –
«Приносит мужество и стать,
Учить ему, конечно, надо,
Чтобы стратегом лучшим стать».

Лахет же возразил на это -
«К науке то не отнесёшь,
А если это не наука,
То и учить не надо всё ж.

Такой бой – и в Лакедемоне -

Про то им хочется узнать?
Но нет героев в битвах этих
И славы в этом не сыскать».

«Не понял» – Лисимах сказал им –
«Сократ, кто прав? Ты рассуди».
– «Совета жди от тех, кто знает,
Голосованьем не вреди.

Когда мы ждём совета в чём-то,
Мы ищем всё же знатока.
О чём же спор мы здесь имеем,
Ещё не поняли пока.

Понять должны мы наше право
На врачеванье душ молодых.
Науки эти знаем ль точно,
Кто сделал нас учёных в них?»

«Сократ всегда в любой беседе» -
На это Никий говорит –
«Речь поведёт о нашей жизни,
О сыновьях же он молчит.

Но я готов к его ученью,
Хоть он гораздо младше нас».

Лахет то тоже подтверждает,
Учиться он готов сейчас.

Сократ же начал размышление,
О чём они хотят учить.
Чтоб проще выявить им мнение,
Предмет, мол, надо разделить.

– «Что добродетель для сраженья?
Наверно, – мужество в бою.
Рассмотрим «мужества» понятие.
Лахет, ответь, а я пойму».

Лахет ответил: «Это стойкость,
Чтоб не бежали от врага».
– «Но бегство скифов помогало
И побеждать им иногда.

А мужество бывает также
Не только в битвах, но в быту -
В борьбе со страхом или горем.
Ответ такой твой не приму».

Лахет сказал: «Наверно, стойкость
Души, что с разумом в ладу».
– «Но разве те, чьи силы меньше,

Не больше мужества кладут?»

Давайте спросим у Никия,
Что может нам о том сказать».
Никий ответил: «Это мудрость -
Опасность в чём – всем надо знать».

Сократ на это возразил, мол:
«И зверю мужество дано.
Но разум разве зверь имеет?
Тогда не в мудрости оно.

Мы мужество всем объявили
Как добродетели лишь часть,
К ней также можем отнести мы,
Средь прочего, рассудка власть.

Когда мы знаем что о вещи,
Она для нас всегда одна –
Что в прошлом, то и в настоящем,
И в будущем та вещь видна.

А значит, «мужество» не может
Лишь знаньем о грядущем быть.
Его и в прошлом, в настоящем
Должны мы также обсудить.

Опасность знать сегодня, в прошлом -
Наука о добре и зле.

Итак, мы к выводу приходим,
Что мужество – оно везде.

А значит, «мужество», мы скажем,
И «добродетель» – в этом всё.
Но, как же так? Ведь начинали,
Что мужество лишь часть её».

«Как я, и Никий не ответил,
Что «мужеством» мы можем знать» -
Лакет сказал так Лисимаху -
«В учителя не надо звать».

А лучше попросить Сократа
Учителем быть сыновей».
Сократ ответил: «Я согласен,
Коль бог допустит до дверей».

Стих 9. Евтифрон

У царского дворца однажды
Сократ и Евтифрон сошлись.

Что привело туда обоих,
Они при всех разобрали'сь.

Сократ сказал: «Мелет судиться
Вдруг вздумал во дворце со мной.
Мол, молодежь я развращаю
И рвётся он со мною в бой.

Не почитаю я богов, мол,
Богов я новых привожу
И проповедую бесплатно,
Обычаи не так сужу».

А Евтифрон поведал тоже:
«Хочу отца я осудить,
Смерть причинил он человеку -
Велел связать и не кормить.

Тот человек убил раба лишь,
Отец в ров сбросить приказал.
Гонца судьи он не дождался,
Во рву том мёртвым вскоре стал».

«Ты не боишься стать бесчестным,
За это осудив отца?» –
Сократ спросил у Евтифрона,

Дождавшись речи той конца.

«Я знаю все законы наши» -
Промолвил славный Евтифрон.
– «Ты научи меня такому,
Чтобы Мелета послать вон».

Сократ добавил: «Ты поведай,
Что благочестие, что нет,
Раз знаешь все законы наши,
То знаешь и на то ответ».

«Все преступленья нечестивы» -
Ему ответил Евтифрон,
Не важно, кто бы совершил их –
Отец иль мать, таков закон.

Ведь Зевса⁽¹³⁾ мы за то не судим,
Что Крона⁽¹⁴⁾ заковать велел,
Хотя ведь Крон отец богам всем,
Но Зевс так рассудить посмел».

«Не нравятся мне эти речи,
Не верю я в вражду богов» -
Сократ сказал – «Причина в этом
Мелета иска, спор таков».

Еще раз просит Евтифрона:
«Скажи, что «благочестье», нам».
Тот отвечает: «Благочестье –
То, что угодное богам».

– «Но если боги могут спорить,
Как ты изволил утверждать,
То можем мы одно деянье
«Угодным», «нет» богам признать.

Ты скажешь, «благочестье» – это
Угодное богам лишь всем.
Но значит, эти два понятия
Не равнозначные совсем.

Мы любим вещь не потому что,
Она любимая для нас,
Она любимая – раз любим.
Почувствуй разницу сейчас.

Скажи же нам о благочестье.
Богам любимо оно в чём?
Благочестива ль справедливость,
Иль это только часть во всём?».

– «Благочестивость – часть, конечно,
От справедливости, Сократ.
И эта часть – служенье богу,
В котором каждый, знаем, рад».

– «А что такое – служба богу?
Здоровье – дело то врача,
Искусство зодчих – для строений.
Не рассуждай ты сгоряча.

Ты говоришь, служенье богу –
В молитвах, да и в жертвах то ж.
Но вывод в этих рассуждениях
Он для богов то – не хорош.

По твоему, всё благочестье –
За плату у богов просить.
Могу назвать торговлей это,
В другом меня не убедить.

Дают нам боги блага мира.
Какая польза от людей?»
– «Как жертвы мы богам вручаем
Угодных для богов зверей».

– «Замкнулся круг, однако, милый,

Мы начали с тобой с того,
Что «благочестье» и «угодность»,
Сказать не можем, что – одно».

– «О, Евтифрон, я не отстану,
Хочу о благочестье знать.
Ведь, если ты отца так судишь,
То можешь, в чём оно, сказать».

– «Сократ, заговорился здесь я,
Дела меня давно уж ждут.
Потом поведаю об этом,
Быть может, времена придут».

– «Обидно, не узнал сегодня,
Что благочестие, что нет,
Не избежать в суде мне иска,
Придётся там держать ответ».

⁽¹³⁾ Зевс – в древнегреческой мифологии бог неба, грома и молний, главный из богов-олимпийцев

⁽¹⁴⁾ Крон (Кронос, Хронос) – в древнегреческой мифологии отец богов-олимпийцев, пожирающий своих детей

Стих 10. Лисид

Зазвали как-то раз Сократа
В палестру⁽¹⁵⁾ – время провести
В беседах с молодежью знатной,
Ума им в чём-то привнести.

Лисид и Менексен там были,
Известны дружбою они.
Лисид – и статный, и красивый,
Сократ повел речь о любви.

Любви – родительской, заботе,
Всё ль разрешают мать, отец.
«Конечно, нет» – Лисид ответил -
«За всё ругают, наконец.

Не допускают к колеснице,
На это, мол, возничий есть.
Упряжку мулов не доверят,
Твердят, что дорога им честь.

Собою управлять нельзя мне –
Есть воспитатель-раб в дому».
– «Под властью ты людей различных.
Лисид, скажи, а почему?»

– «Наверно, ждут, чтоб повзрослел я».

– «Не так ответил на вопрос -
Не повзрослел, а научился,
Чтоб пользу дому ты принёс.

Не станешь сведущ ты во многом,
Не будешь нужен никому».
Так заронил в душе красавца
Сократ стремление к уму.

Теперь он обратился с речью
И к Менексену, час пришел.
Сказал, что с детства искал друга,
Но зря искал – так не нашёл.

– «С Лисидом вы дружны, все знают.
Но что есть – «дружба»? Разберём.
Ответ надеюсь получить я,
Мы размышления начнём.

Ты если любишь человека,
Он друг тебе иль ты ему?»
«Не вижу разницы» – ответ был –
«Вопрос пока я не пойму».

– «Тот, кто любим тобою,

Может и не любить нас иногда
И даже ненавидеть может.
Так, кто же друг у нас тогда?

Не называем мы друзьями,
Когда нет нам любви в ответ?
Друзья – то те, кого мы любим,
Враги – то те, кого же нет?

Ведь часто в жизни происходит,
Что мы – любимые врага,
Иль кого любим – ненавидят».
– «Теперь запутался уж я».

– «Известно также изречение –
Подобное к подобным льнёт.
Но между подлыми, однако,
Вражда, конечно же, придет.

Наш вывод – дружбу можем видеть
Среди хороших лишь людей?
Но жизнь сей факт опровергает,
Дружить ведь может и злодей.

И мнение ёще я слышал,
Что тянет разности к себе.

Друг друга, мол, те дополняют
И пользу принесут в беде.

Но справедливость ведь не может
С несправедливостью дружить?
Опять запутались, друзья, мы,
Что в дружбе с чем могло бы быть?

Наш вывод, что в хорошем деле
Быть может дружба только с тем,
Не хорошо что и не плохо?
Ты спросишь – им дружить зачем?

К примеру – мудрость ищут люди,
Не мудрые, не средь невежд,
А те, кто посере́дке где-то,
Кто хочет знания одежд.

Мы верим, мудрость – это благо.
Но только тот её поймет,
Кто знает, прославёт невеждой -
Не будет в жизни и почёт.

Мы благо ценим, когда знаем,
Что зло присутствует средь нас.
Зачем лекарства без болезней?

Без зла бы блага свет погас?

Но есть, однако, в этом мире,
Что и не благо, и не зло.
Средь них я назову те вещи,
Что нам присущие давно.

Как голод, жажда нам присущи,
Так и любовь, и дружба то ж.
Имея родственные души,
Быть может, ты их обретёшь.

Решили – в дружбе не подобье
И не различие важны.
Решили, что для дружбы вечной
Нам души родственны нужны.

Но мы ведь раньше говорили,
Что дружбе средь дурных не быть.
Так значит, родственность негожа
Причиною для дружбы слыть.

Так в размышлениях пришли мы
К тому, что «дружба» – не понять.
Считая вы себя друзьями,
Что «дружба» – не смогли узнать.

(15) палестра – частная гимнастическая школа в Древней Греции, где занимались мальчики с 12 до 16 лет

Стих 11. Хармид

Вернувшись как-то с поля боя,
Сократ в палестру поспешил,
Там он о битве рассказал всё.
«А как у вас здесь?» – он спросил.

Ответил Критий: «Если хочешь
Узнать, чем дышит молодежь,
Сейчас увидим мы Хармида,
Тогда и сам ты всё поймешь».

Он дяди сын и он прекрасен
Как юноши в его года.
Ты побеседуй с ним хоть часик,
Он рассудителен всегда.

Тебя представлю как врача я,
Боль в голове его мутит».
Хармид подходит без смущенья,
Сократ с ним долго говорит.

Мол, есть трава от боли жуткой,
Но вместе – заговор идёт.
Чтоб вылечить больное тело,
Он разговор к душе сведёт.

– «Лечу я душу заклинаньем,
К ним речи наши отнесём.
И если всем верны те речи,
Мы голову твою спасём.

Поведал Критий, что умён ты
И рассудителен всегда.
Но, если это правда, друг мой,
Зачем лечение нам тогда?»

Хармид смутился – как ответить?
Ответишь «нет» – то Критий лжёт,
А если «да» – самонадеян,
Так скажет, ведь, любой народ.

Решил помочь Сократ Хармиду:
«Узнать бы надо сей предмет.
Что «рассудительность» такое?
Я жду твой правильный ответ».

– «Наверно, это осторожность
И осмотрительность во всём».

– «Мы лишь стремительные вещи
Прекрасным всё же назовём.

Понятливость ведь, а не тупость
Нас привлекает всех всегда.
Медлительна обычно глупость,
Понятливость – то быстрота.

Находчивость мы ценим тоже,
Она – стремительность души.
Неправильно ответил, милый,
Другую мысль ты подыщи».

– «Стыдливость, скромность – предлагаю».

– «Опять не то сказал ты нам.

Стыдливость может быть у нищих,
До рассудительности ль там?»

– «А может то, что каждый должен
По жизни делать лишь своё».

– «Что ткач себе лишь ткёт одежду,
Другим же скажет – не моё?»

Вмешался в разговор их Критий:

«Сократ, неверно говоришь -
Смешал занятие и дело,
Мальчишке голову дуришь.

И если труд всегда почётен,
То дело может стыдным быть».
Сократ ответил: «Вывод ясен –
Плохим с рассудком не дружить.

Но врач приносит нам и пользу,
И вред приносит он порой.
Он рассудителен, однако,
И врач обычно не плохой».

Продолжил Критий разговор тот:
«Познай себя» – гласит девиз,
Я рассудительность считаю
Самопознанием. Разберись».

– «Мы знаем разные науки.
Врачебная – та о телах,
Как принести нам всем здоровье,
Об этом думы в головах.

Наука о самопознании, она о чём?
Ответить всем нам».

– «Не надо сравнивать науки,
Мы числим все их по делам.

Предмет у каждой есть науки,
А «рассудительность» – о всём,
Она науки все изучит,
Все их мы с легкостью поймём».

– «Твердишь – наука о науках
И также о самой себе.
Как может целое стать частью?
Ведёт твой вывод к ерунде.

Не знаю я такой науки,
Что не имеет свой предмет.
Зачем нам слух, когда нет звука,
И зренье, если цвета нет?

Какая польза от науки,
Что изучает, как бы все?
И различит ль она невежду,
Иль знатока всегда, везде?

Пусть рассудителен был кто-то,
Но он не сможет распознать –
Пред ним ли врач стоит хороший,

Иль шарлатан – и надо гнать.

Быть может, польза – в усвоенье
Наук отдельных с тратой сил,
Чтоб делать только то, что знаешь,
Не знаешь – поручил другим?

Но будет в этом ли нам благо?
Наверно, счастье всё же в том -
Добра и зла узнать науку,
Не рассуждать, чтоб над добром.

Похоже, вывод для нас ясен –
Пусть рассудительность в ком есть,
Но пользы это не приносит,
Важна для всех другая честь».

Хармид, прослушав речи эти,
Собратьем старшим говорит:
«Раз вы не поняли предмета,
Учиться мне сам Бог велит».

Сократ согласен стать в ученье
Проводником для юных душ,
Для их голов – чтоб просветленье,
Достойным стал чтоб каждый муж.

Стих 12. Ион

Сократ с Ионом повстречался,
Откуда он – узнать решил.
Ион ответил: «С состязанья
Рапсодов⁽¹⁶⁾ – в Эпидавре⁽¹⁷⁾ был.

И лучшим там я оказался».
Сократ восторг свой показал:
«Рапсодами я восхищаюсь.
Надеюсь, смыслы раскрывал».

«Знаток в поэзии Гомера» -
Ион похвастаться решил.
На что Сократ, как то обычно,
С ним в рассуждения вступил.

– «О всех поэтах ты способен
Как о Гомере говорить?»
– «Нет, о других я знаю мало».
– «Не может этого ведь быть».

Гомер нам говорит о том же,
О чём другие говорят –

О войнах, людях, о героях,
Там боги выстроились в ряд.

Когда мы обсуждаем что-то,
Что лучше – хуже, кто решит?
Иль разные нужны нам люди,
Или знаток пусть говорит?

Сказал ты, что Гомер – он лучший,
Признал, что пишут об одном.
Так значит, ты – знаток поэтов
И должен знать их всех причём».

Ион ответил: «Но я всё же
Лишь о Гомере могу петь,
Другим поэтам невозможно
Мне вдохновение зажечь».

– «Ты видишь, что не в знанье дело,
А чём же? – спросим мы себя.
Быть может, дело в магнетизме?
Попробую ответить я.

Поэта я сравню с пчелою,
Что мёд из сада муз несёт.
Лишь отрешившись от рассудка,

Он вдохновение найдёт.

Когда гармонией и ритмом
Душа наполнится сполна,
То одержимость наступает
И вдохновения волна.

Но музы насыщают разным -
В поэмы, в оды жизнь вдохнуть,
Магнитом в множестве цепочек
Рапсодов разных притянуть.

И значит, важно не уменьше,
Чтоб нам поэзию понять.
Дар божества – то вдохновенье
Через поэтов перенять.

Рапсоды и актёры тоже –
Срединное звено куют.
Они от Бога чрез поэта
До зрителя смысл донесут.

И эти множество цепочек,
Что от поэтов идут к нам,
Нас держат в восхищенье кем-то.
Гомером одержим ты сам».

Ион на это: «Не согласен,
Что одержимость – мой удел.
Я всё же думаю, что знание
Предмета – важное из дел».

– «Ион, скажи, когда Гомер нам
О колесницах говорит,
Оценит кто в том точность речи? -
Возничий, не рапсод решит.

Искусство каждое имеет
Предмет, конечно же, лишь свой.
Рапсод за что у нас в ответе,
Предмет, он ведаёт, какой?»

– «Он различает, что за речи,
Должны все люди говорить».

– «Откуда знанья у рапсода,
Что пастуху произносить?».

– «Рапсод я думаю уж знает,
Как надо нам вести войну.
Я у Гомера обучился
И цели в битвах я пойму».

– «Ион, скажи, тогда, мой милый,
Что ж ты стихи нам говоришь,
А не воюешь как начальник,
Об этом знании молчишь?»

Пусть чужеземец, ну и что же?
Нас в битвы разные вели.
И в этом деле ты, похоже,
Вдруг оказался на мели.

Ты извиваешься в ответах,
Не можешь просто показать
Свою премудрость о Гомере.
Не хочешь ли лжецом ты стать?

Тебя давно я уважаю
И потому даю совет –
«Божественный, а не искусный
Хвалитель я» – вот твой ответ».

(16) рапсоды – профессиональные исполнители эпических поэм в Древней Греции

(17) Эпидавр – город в Древней Греции на северо-востоке Пелопонесса, сейчас известен развалинами древнего театра и храма

Стих 13. Гиппий большой

Афины часто приглашали
Для разговоров послов стран -
Философов новейшей школы
И Гиппий был, конечно, зван.

Сократ был рад его увидеть,
Он хвалит мудрость чужака,
И чтобы, видно, не обидеть,
С ним речь повёл издалека.

Сказал, что мудрецы бывшие
Не брали плату с молодых,
Когда им знания отдавали,
А гость – совсем не из таких.

– «Наверно, мудрецы бывшие
Похуже новых мудрецов».
Иронии не понял Гиппий,
Сказал – успешней он отцов.

Но восхваляет мудрость древних,
Чтоб гнев умерших не сыскать.
При этом деньги за уроки

Умеет щедро получать.

– «И где же больше получаешь,
В Лакедемоне? – Частый гость».

– «Нет, там закон у них суровый,
Подзаработать не пришлось».

Нельзя учителям с чужбины
Там мудрость молодым давать».

– «Так что, Закон там вред приносит,
Иль просто нечего сказать?»

Чему хотел ты научить их -
Считать, по звездам ли ходить?»

– «Совсем им то не интересно,
Им бы о жизни говорить».

О жизни всяческих героев,
Как возникали города».

– «Похоже, сказки от старухи
Они хотели от тебя».

Но Гиппий возразил Сократу:
«Из сказок тех составил речь,
Что молодым достойно делать,
Тебе бы то ж не пренебречь».

«Послушаю» – Сократ ответил -
«Пока хотел бы я узнать
Ответ на тот вопрос коварный,
Что некто мне спешил задать.

Спросил он – в чём различье вижу
У безобразья, красоты.
Не смог ему тогда ответить.
А что на это скажешь ты?

Вот, если люди справедливы,
То справедливостью полны.
А что прекрасным мы считаем,
Красо'ты в чём у нас видны?

Мне объясни ты, что в понятие
«Прекрасное» заложено'?»
– «Прекрасную я вижу деву,
И думаю – ну, вот, оно».

– «Но, Гиппий, кобылица тоже
Прекрасной, вроде, может стать.
Горшок, коль сделан он искусно,
Прекрасным можно называть.

Ты вспомни, что сказал мудрец⁽¹⁸⁾ нам
Про обезьянью красоту -
Что не сравнима с человечесьей.
В ответе вижу пустоту.

Ты девушку сравни с богиней
И безобразие найдешь.
Давай, ответ другой поищем.
От рассуждений не уйдешь».

– «Наверно, золото поможет -
Всё то, к чему оно прильнёт,
Прекрасным будет несомненно,
А безобразие уйдёт».

– «Но, Гиппий, Фидий⁽¹⁹⁾ нам Афину
Сваял из кости на века,
Глаза – из камня-самоцвета.
Что ж золото не взял тогда?»

– «Наверно, делает прекрасным
Лишь то, что к вещи подойдёт».

– «Красива не золотая ложка? -
К ней лучше ж дерево идёт».

– «Сократ, вот ты опять о низком.

Прекрасно то – в богатстве жить,
Болезни чтобы не мешали,
И детям – нас похоронить».

– «Но, Гиппий, боги для героев –
Отцы, бессмертные они.
Их схоронить сыны не смогут,
И в том не чувствуют вины.

Вернёмся к слову «подходящий» -
Оно, мол, благо придаёт.
Но это что – обман, реальность?»
– «Как платье видимость несёт».

– «Не то опять, о милый Гиппий.
Что «красота» – как вещь в себе?
И не зависит от «одежды»,
Всегда прекрасное вполне.

Быть может, «красота» – пригодность,
Для зренья, бега иль в делах?
Быть может, красота – то сила,
А немощь – безобразья страх?

Но в детстве часто от незнания
Дурное можем совершать,

Тогда и сила не поможет
Дурному красотой стать.

Или в «прекрасное» поможет
«Полезное» нам обратить?
Но разве в жизни что-то может
Творцом, творимым сразу быть?

А может, то у нас прекрасно,
Приятно слуху, зрению что?»
– «Да, удовольствие, наверно»
– «Но пища – это не оно?»

Еще мы выделяем в этом -
Что слух и зренье красоту
По-разному воспринимают,
Я общее в них не найду.

Должны найти такое свойство,
Что общим будет для всего,
Хоть и различным оно станет
При рассмотренье одного».

– «Не может быть такого свойства,
Сократ, ты что-то намудрил -
Хоть золотые сложи вместе,

Хоть каждый бы его носил».

– «А что ответишь ты на это,
Скажи мне, милый Гиппий, здесь -
Две единицы в сумме – чётность,
А в каждой – всё ж нечётность есть».

– «Всё это – шелуха лишь речи,
Сократ, в том пользы никакой.
А важно речь сказать прекрасно,
Уйти чтоб с полною сумой».

– «Как можешь ты сказать о речи,
Прекрасна ли она была,
Когда не ведаешь понятия.
Пустою будет та сума.

Мы всё с тобой здесь обсудили,
Но понял только я пока –
«Прекрасное» – то очень трудно».
Ответ мы ищем все века.

(18) имеется в виду Гераклит – древнегреческий философ, создатель первоначальной формы диалектики, 535-483 гг. до н.э.

(19) Фидий – древнегреческий скульптор и архитектор,

Стих 14. Протагор

Однажды очень ранним утром
К Сократу Гиппократ вбежал -
«К нам Протагор в Афины прибыл,
Хочу учеником, чтоб стал.

Ты попроси его об этом,
Любые деньги заплачу».
– «Идти туда ещё ведь рано,
Со временем я не шучу.

Пока скажи, какие знания
От Протагора хочешь ты?
От тѣзки, тот что из Киосса,
Врачебные были б нужны.

А Протагор слывѣт софистом.
Софистом тоже хочешь стать?»
– «Ты что, Сократ, то мне не надо,
Лишь только б знания достать».

– «Скажи мне, что «софист» такое,

Ему ли душу поручить?»

– «Он знает о вещах всех мудрых,
Умеет речи говорить».

– «О чём же речи, друг мой юный?»

«Не знаю я» – был дан ответ.

– «Когда о теле ты печёшься,
Всегда слушаешь совет.

Душа важнее тела, вроде.

Ты поручить её готов,

Не зная, пользу ли получишь,

Иль вред. Вы всё же без голов.

Софисты – как торговцы пищей,

Товар привыкли свой хвалить.

Но пищу ты несёшь в сосуде,

Их знанию – в душе ведь быть.

Беседу кончив, поспешили

Туда, где Протагор бывал.

Там мудрецы все находились

И те, кто к мудрому пристал.

Сократ у Протагора просит

Ученика к себе принять,

Согласен Протагор, не против,
Привык он знания не скрывать.

Решили пригласить к беседе
Всех мудрых, кто пришёл туда.
Расселись чинно по скамейкам,
Нача'в беседу лишь тогда.

– «Хочу я, Протагор, узнать всё ж,
Чему ты будешь обучать?»
– «Он от меня уйдёт хорошим,
Все знания будет получать.

Я научу, как править домом
И обществом как управлять».
– «Но разве можно научиться,
Как гражданином лучшим стать?

В Афинах мудрые ведь люди?
И на собраниях всегда,
Когда решают о строеньях,
Не пригласят кого бы зря.

Но если речь у них заходит
О государственных делах,
То слушают они любого,

Любой – знаток, в их головах.

И добродетели, похоже,
Не научить – примеры есть,
Что у хорошего вельможи
Сынок не бережёт ту честь».

А Протагор на эти речи
Решил поведать старый миф.
Его приводим в сокращенье,
Чтоб пыл беседы не затих.

«Решили на Олимпе боги
Создать себе из смертных мир.
Слепили под Землёй кого-то,
Украстить Зевс их поручил.

Эпиметей всех разделил там,
Кто – зверь, кто – птица, он решил,
Одел от стужи и от жара.
О человеке же забыл.

Но Прометей подсуетился –
Стащил Гефеста он огонь,
А от Афины – все ремёсла,
Теперь попробуй – его тронь!

Так человек стал близок к богу,
Кумирни⁽²⁰⁾ стал он воздвигать.
Потом он речи научился,
Расчистил поле, стал пахать.

Но в обществе пока не мог жить,
Все воевали, мира нет.
Тогда отправил Зевс Гермеса,
Ему он дал такой совет:

«Ты дай всем людям правду
И дай всем людям стыд.
Не выборочно как ремёсла -
Пусть каждый будет не забыт».

«Вот потому все люди знают,
Что справедливо, а что нет» -
Закончил Протагор легенду,
Ему молчание в ответ.

Продолжил он: «А добродетель
Врожденною не может быть,
Ей тоже надо научиться,
А за отсутствие – корить.

Физические недостатки
Не порицаем мы, друзья,
За преступления ж караем.
Так в чём не прав, скажите, я?

И учат все отцы, как надо
По правде в жизни поступать.
А что не все то могут делать,
Таланта, значит, не видать.

Ведь у хорошего флейтиста
Не всяк сынок в отца пойдёт,
Хотя сыграет он на флейте,
Когда в ученье смысл найдёт.

Вот и учу я, кто захочет,
Как добродетели добыть.
За плату вовсе небольшую
Могу любого обучить».

Сократ заморожён той речью -
В сосуде очень долог звук,
Пока руками не обхватишь,
Когда уж слышать недосуг.

– «О, Протагор, хочу услышать

На мелкий мой вопрос ответ:
И «справедливость», «благочестье»
И «рассудительность» – часть, нет?

Всё это – также «добродетель»,
Иль части разные её?»
– «Конечно, это только части,
У них у каждой лишь своё.

Не все же ими обладают,
Хоть добродетельным слывут -
Хоть справедливыми бывают,
Не мудрыми всё ж назовут».

– «Но если говорим всегда мы,
Что справедливость – благо всё ж,
То это ведь – одно и то же,
Другого мненья не найдешь».

– «Ну, хорошо, они – подобны,
Как всё – подобное всему.
Подобность белому есть в чёрном,
Другого мненья не найду».

– «О, Протагор, все речи эти
Уже запутали вопрос.

Давай мы разберём другое,
Пока смысл ветер не унёс.

Мы знаем, что у каждой вещи
Есть отрицанье лишь одно,
Как у хорошего – плохое,
У силы – слабое оно.

Ты говорил, что безрассудство
И мудрость вечно во вражде,
Но рассудительность ведь тоже,
И получается их две.

Из этого я строю вывод:
Что, может, сходные они,
Как справедливость с благочестьем
Не части, сходства в них видны.

Ещё ответь, о, Протагор наш,
Что «благо» есть – не «польза» ль в том?»
– «Нет «благо» – это просто «благо»,
А «польза» в этом не причём.

Бывает – не полезно людям,
Полезно будет для скота.
Навоз на листья не пригоден,

К корням пригоден он всегда.

Иль от оливы масло в пищу
Не стоит много принимать,
Но для волос или для тела
Снадобья лучше не сыскать.

Или еще пример скажу я...».
– «О, Протагор, умерь свой пыл.
Вопрос мой был довольно частный,
Ты ж речь ответу посвятил.

Я забываю смысл беседы,
Когда так долго говорят».
– «Я буду говорить привычно».
– «Ну, мне пора. Был встречи рад».

Все стали умолять Сократа:
«Останься, слушать мы хотим,
Беседу надо завершить вам,
Нам интересно, найди сил».

«Я не бегун» – Сократ ответил -
«Дистанции не для меня,
Я думал, здесь у нас – беседа,
А оказалось – речь одна».

И прозвучали предложенья –
Распорядитель нужен там.
Сократ не согласился с этим -
«Судью же не найти здесь вам».

И предлагает Протагору
Теперь вопросы задавать -
Покажет, мол, как на вопросы
Способен кратко отвечать.

А Протагор тот спор с Сократом
К поэзии вдруг обратил,
Он попросил: «У Симонида⁽²¹⁾
Противоречья б разрешил.

Ведь Симонид противоречил -
«Хорошим трудно *стать*» сказал,
Но опроверг собрата фразу,
Кто «трудно *быть*...» нам указал?»

Сократ ответил, что слова те,
О «трудно же хорошим быть»,
Наш Симонид опровергает
В надежде славу получить.

– «Таких вот, друг мой, изречений
На Крите, в Спарте нам не счесть.
В искусстве воинском прославясь,
Скрывали – мудрость тоже честь.

А Симонид нам предлагает
Запомнить – все не без греха,
Хорошим можно стать, конечно,
Но зло не победить пока.

И только Богу то подвластно -
Всегда для всех хорошим быть,
А человек – дурным стать может,
Не будем мы за то судить.

Хороший, ведь, дурным бывает.
Дурной дурным, конечно, нет,
Ему б сначала стать хорошим -
Поэта слышим мы совет.

А значит, по его понятию,
Хорошим быть никак нельзя.
Не буду то опровергать я,
Ведь смысл теряется, друзья.

На этом, может, мы закончим

Здесь о поэзии судить.
Ужели мы способны только
Чужими голосами быть?

Кто обсуждает, что поэты
Хотели в строках нам пропеть,
Не может тот в своих беседах
Свои лишь голоса иметь.

Нужны в беседах им флейтистки,
Танцовщицы, но нам то – нет.
Давайте вспомним о серьёзном,
О важном жду я вновь ответ.

Ты говорил, что добродетель
На части можешь разложить.
И части те слегка похожи,
А мужеству – отдельно быть.

Мол, и несведущие люди
Имеют мужество подчас.
Но мужество имеет смелость,
Признал ты, Протогор, у нас.

А «смелость» – это точно «знание».
Без знания водолаз – мертвец,

Он должен получить уменьше,
Чтоб смелым стать уж, наконец.

И значит, мужество без знания
Не может быть. Теперь скажи,
Все удовольствия приятны
Иль не всегда они нужны?

Согласен ты, что знание – сила,
Или страстям лишь важным быть?
Познав хорошее – плохое,
Как удовольствие ценить?

Питьё приятно нам, конечно,
Впоследствии бывает вред.
Для тела тренировки – трудны,
Но польза в них – такой ответ.

И если мы познаем пользу,
Не станем плохо поступать?
Однако видим мы иное –
Узнав, приносим вред опять.

Иль удовольствие – то благо,
Страдание – всегда лишь зло.
Ответь, как смотришь ты на это,

Как выбрать нам из двух одно?

Мой же совет – узнать хотите,
Как поступить, чтоб в благе жить?
На чаши вы весов сложите -
Чему приятным, в тягость быть.

При этом важно быть искусным
В оценках ближних и в дали.
Без знаний о законах жизни,
Нет благ, что ты не говори.

А в удовольствиях погрязли
Невежды – это мысль моя.
И значит, надо всем учиться,
Чтоб жизнь свою прожить не зря.

Иль, может, скажите в ответ мне:
«Все хорошо приятно жить,
А если хорошо – то благо,
И больше не о чем тужить»?

Никто, мол, не стремится к злему,
Себя не надо принижать,
А если надо выбрать злое -
Из двух поменьше выбирать.

Вернемся к мужеству, однако, -
Оно всегда поборет страх,
А страх – то ожиданья злого,
Что поселяется в умах.

Еще раз, мужество – то знанье,
Как справедливость, видим мы.
Я соглашаюсь с Протагором –
Учиться у него должны.

Ты миф сказал о Прометее,
Что добродетель – от богов.
Так можешь ей ты научить нас,
Ответ твой нам теперь каков?»

Сократу Протагор ответил,
Тот – мудрый, не завистлив он,
Но есть дела теперь иные.
Ответ оставил на потом.

(20) кумирня – языческая молельня с кумирами – статуями

богов

(21) Симонид – древнегреческий поэт, 556-468 гг. до н.э.

Стих 15. Горгий

Однажды встретились в Афинах
У рынка, где всегда народ,
Знакомые Сократу люди,
Но Горгий среди них не в счёт.

Приехал он как гость в Афины.
Сократа просят оценить
Его искусство, ведь он хочет
Здесь молодых уму учить.

«Кто ты такой? Ответь мне, Горгий» -
Сократ у мудреца спросил,
Но Пол – один из молодёжи,
Сказал, что у того нет сил.

Что он искусством обладает
Таким, что пользу всем несёт.
Сократ услышать вновь желает,
Себя как Горгий назовёт.

«Оратор я» – ответил Горгий –
«Я красноречию учу».
– «Искусство ткачества всё в тканях.
Твоё же в чём, узнать хочу.

В любых делах бывают речи,
В речах тех виден свой предмет.
Какой предмет у красноречья?
Хочу услышать я ответ».

– «Во всех искусствах важно дело,
А в красноречии – лишь речь».
– «Согласен, в живописи – точно,
В других ей всё ж не пренебречь.

И слово важно в тех искусствах,
Хоть счёт, хоть звёзды изучай,
Но речь искусную имея,
Предмет ты свой не забывай».

– «Моё искусство – всё прекрасно».
– «О, Горгий, хвалишь ты себя
Как сотрапезники иные,
Но толку в том не слышу я».

– «Могу я убедить любого,
В суде, в Сенате и в толпе,
И там мне будут все подвластны,
И деньги принесут лишь мне».

– «Я понял – мастер убежденья.
Но, Горгий, в чём же убеждать?
Ведь каждый, кто чему-то учит,
Предмет свой как-то должен знать».

– «Предмет мой – это справедливость».

– «А убежденья, что несёшь,
Они основаны на знаниях
Иль в этих убежденьях ложь?»

– «Моё ученье несёт веру».

– «Что знаний в этом не найти?
Когда мы строим, что желаем -
Нам с зодчим только по пути.

Какая польза в тех советах,
Что Государству ты несёшь?»

– «Сократ, совсем не важно это,
Толпу всегда ведь проведёшь.

Могу заставить я собрание
Речами выбрать не врача -
Меня, когда те ищут знанье,
Болезни сбросить чтоб с плеча.

Хотя замечу, что, конечно,

Я не хочу нести им вред.
Ведь человек, кто учит бою,
Не виноват, что будет вслед».

– «Я, Горгий, в спорах не гнушаюсь,
Узнать, когда не прав я был.
Давай мы прекратим беседу,
Не нравится мне этот пыл».

Но все просили продолженья,
Согласен Горгий отвечать.
Спросил Сократ: «А каждый сможет
Искусство от тебя узнать?»

И сможет средь невежд оратор
Казаться бо'льшим знатоком
Чем тот, кто дело понимает?»
– «Да, говорю я о таком.

Другого знать тогда не надо,
Когда умеешь говорить».
– «И значит знать добро он должен,
Кого берешься ты учить?»

– «Я научу, если не знает».
– «Запутался иль я – дурак.

Искусен в музыки бывает
Кто изучал его, ведь так?

И значит, раз добру ты учишь,
Он справедливым должен стать,
Ты ж говоришь – за зло, что будет,
Учителя нам не ругать.

Так после твоего ученья
Не станет справедливым он?
Тогда какую же мы пользу
Из этого приобретём?»

Вдруг Пол опять вступил в беседу:
«Сократ напрасно обвинил,
Что Горгий научить не может
Быть справедливым, зря решил».

– «Ты молодой, тебе пристало
Нас поправлять, коль старики.
Ответь, что ж это за искусство,
Раз мы ответить не смогли.

Но только покороче, милый».

– «Не ограничивай меня!»

– «Раз здесь у нас свобода речи,

Тогда могу уйти и я?»

– «Сократ, но если Горгий в этом
Зашёл в тупик, ответь ты нам -
Что красноречие такое,
Что думаешь об этом сам».

– «Считаю я, что красноречье -
Сноровка, больше ничего.
Я поясню вам, в чём уловка,
В чём призрак нужности его.

Благополучие нам в жизни
Душа и тело принесут.
И важно, было всё не мнимо,
О том врачи нам не соврут.

Благополучие для тела –
Гимнастика, врача совет.
Благополучие для духа –
Законы и Суда ответ.

Есть и угодничество в мире,
Оно в сноровке как достать
Все удовольствия по жизни,
Чтоб вроде радостными стать.

Угодничество тоже части
Четыре лишь несёт в себе
И призраки они тех первых,
О чём сказали мы уже.

Есть поварское ведь искусство,
Врачебному оно под стать,
Но пользу не всегда приносит,
Вред часто можем увидеть.

Гимнастике мы в пару тоже
Найдём искусство – для одежд.
Хоть тело может быть негоже,
Но сверху – множество надежд.

Законодательства искусству
Софистику поставим в ряд.
Когда запутают софисты,
Законы тут же замолчат.

И, наконец, в четвертой паре,
Где красноречие у нас,
Там правосудие в опале,
Угодничества слышим глас».

И Пол спросил тогда Сократа:
«Ораторы всё ж для кого?»
Сократ на то ему ответил:
«Они не значат ничего.

Ораторы, как и тираны,
Не могут силой обладать,
Ведь делают, что не желают,
И справедливым им не стать.

Мы делаем не ради дела,
А ради цели. Что не так?
Когда вступаем на корабль,
Мы не страданий ждём, а благ.

Все вещи делим на дурные,
Хорошие и между есть -
Полено или наши действия
И злом, и благом можно счесть.

А люди вечно ищут блага,
«Согласен» – слышу я в ответ.
И коль неправ тиран, оратор
Изгнав кого, в сём блага нет.

И значит, делает не то он,

Что хочет делать – не силён.
Раз силу благом ты считаешь,
То неразумность их ведь злом?»

«Сократ, но разве ты не видишь,
Что в жизни всё совсем не так.
Тиран, кого бы ни обидел,
Живёт в достатке с кучей благ?»

«О Пол, кощунствуешь ты, милый,
Несправедливость – это грех.
Завидовать ему не стоит -
Убийца всё равно для всех.

И не хочу я быть тираном -
Свободно приносить всем вред.
Пусть зло придётся потерпеть мне,
Но зла не буду делать, нет.

Ты говоришь, что эти люди
Все в жизни счастливо живут.
Толпу свидетелей приводишь,
Но многие из них то врут.

С толпой я спорить не умею,
Ведь не оратор – я сказал.

Продолжим мы беседу нашу,
Чтоб мою истину узнал.

А спорим мы о самом важном –
Кто счастлив, нужен нам ответ.
Я мыслю, что несправедливый
И безнаказанный – то нет.

Ты заявляешь – все об этом
Не так обычно говорят.
Тогда давай порассуждаем,
Поставим главное мы в ряд.

Что ты постыднее считаешь –
Терпеть иль зло всем причинять?»
«Ну, причинять» – Пол согласился,
Не стал он то опровергать.

«Мы называем то прекрасным,
Коль удовольствие найдём
Иль пользу, телу что приятно,
Науки, нравы то ж учтём.

Из двух прекрасных выбираем,
Что лучше, так же из плохих -
То, что страданьем превосходит

И злом, то худшее из них.

Сказал ты, зло чинить постыдней,
То значит – большее из зол,
Отсюда вывод получаем –
Никто б его не предпочёл.

Теперь давай о наказанье.
Его терпеть – то благо нам.
Неправ ты, если утверждаешь,
Без наказанья лучше вам.

Когда мы что-то совершаем,
То есть для действия предмет,
Который то лишь испытает,
Что мы прикладываем. Нет?

Раз кара – это тоже действие,
А справедливость – красота,
То справедливая нам кара –
Прекрасна, благость в нём видна.

Обычно бедность в жизни вещной –
То зло, а телу зло – болезнь.
Зло для души – несправедливость,
Невежество и трусость есть.

Для вещной жизни и для тела,
И для души закон один –
Коль что не так, лечиться надо,
Тогда себе ты господин.

Ты бедность излечи наукой,
Болезни тела же – врачом.
Испорченность души суд правит,
Но правый суд при том учтём.

Счастливый человек – здоровый.
Из двух больных же счастлив тот,
Кто лечится врача искусством,
Ведь то здоровье принесёт.

А значит, счастлив справедливый -
В нём не испорчена душа,
И тот, кто терпит наказание,
Очистить душу чтоб от зла.

И значит ни тиран, ни тот, кто
Оратором себя назвал,
Не может быть вполне счастливым,
Когда несправедливым стал.

И красноречия искусство
Полезным не могу признать,
Когда несправедные чувства
В суде стремятся вызывать».

Прослушав эти размышленья,
Пол согласился: «Был не прав».
Но стали возражать другие:
«Сократ, исправить надо нрав!»

Сократ ответил, что неважно
Ему то мнение толпы,
Мол, главное – с собой согласье,
Он спорит не для красоты.

Но некто именем Калликл
Решил Сократа обвинить,
Что он не слушает природу,
Законом призывает жить.

Сказал Калликл: «В природе видим,
Сильнейший всюду берёт верх.
Зачем ты слабых защищаешь,
У них имеешь лишь успех?

Напрасно с детства приучают,

Что равенство – то красота,
Все справедливыми должны быть.
Сократ, ведь это – ерунда.

Не спрашивал царь Ксеркс⁽²²⁾ Афины,
Когда пришел он к нам с войной,
Или когда Геракл⁽²³⁾ отважный
Коров чужих увёл с собой.

Твоя наука молодёжи годна -
Образованье всё ж.
Другого толку в ней не видно
И делом то не назовёшь.

Бросай свои ты размышленья,
Ведь могут привести к беде.
И философией не сможешь
Ты оправдаться на суде».

На то Сократ ему ответил:
«Чтоб человека оценить,
Доброжелательность важна нам,
Прямым и знающим бы быть.

И Пол, и Горгий – чужеземцы,
Стыдливы чересчур они.

Мне прямо ничего не скажут,
Калликл, ты хоть говори.

Чем стоит в жизни заниматься,
Что делать в жизни должен я,
Чтоб не прожить её впустую,
О чём печётесь вы, друзья?

В природе, молвишь, справедливость –
Когда сильнейший прав во всём,
А лучший властвует над худшим,
Могущество его учтём.

По твоему сильнейший – лучший,
В природе ж сильных большинство.
Но большинство ведь полагает -
Достойно равенства оно.

И большинство всегда считает,
Что лучше потерпеть, чем бить.
Законы то же изрекают -
Природу в них не исключить».

– «Сократ, но ты в слова играешь,
Не говорю я о рабах,
Не крепких «сильным» называю,

Ищу, где разум в головах».

– «Тогда в толпе разнообразной
Врач сытым должен только стать,
Одет – портной, раз ты считаешь -
Разумному лишь власть отдать».

– «Я о другом сказать пытаюсь -
Разумным в государстве быть
И мужества иметь немало,
Чтоб полпути не пропустить».

– «Подходы наши в споре разны,
Я об одном твержу тебе,
А ты меняешь все понятия,
Как будто речь о ерунде.

И сильный у тебя – то крепкий,
Разумный, мужественный вот.
Определись, когда ты споришь,
Иначе спор пойдёт не тот.

Ответь ты мне – а кто при власти,
Тот властвует ли над собой?
Своим желаньям он хозяин
Иль в наслажденьях – пир любой?»

– «Воздержанность – глупцам прилична.
Сократ, признай, я ведь прав.
Условности отбросить надо,
Жить, не взирая на устав.

Устав для слабых написали.
У сильных счастье – быть во всём
Свободным для своих желаний,
Раскованность нужна притом».

– «Калликл, знаю эти речи,
Так думают, не говоря.
Когда нужды нет у желаний,
О счастье мне твердишь ты зря.

Услышал как-то миф об этом:
В разнузданной душе живут
Желания в дырявой бочке
И алчность ненасытна тут.

Когда сосуд души – дырявый,
Забота вечна – чтоб долить.
Где дыры больше – жажда чаще.
Таким то очень трудно жить.

По-твоему тот счастлив в жизни,
Кто может много есть и пить
Или чесаться непрерывно,
Иль в ком распутства не избыть?

Ты утверждаешь, что приятность -
Всегда нам благо. Как же так?
То – изменным бывает часто,
Кошунство ведь в твоих устах.

Отринув, что приятность – благо,
Нашёл согласие с тобой,
Что удовольствие и знанье,
И мужество – разны собой.

Мы знаем, сила или слабость,
А также счастье или зло
Приходят к нам попеременно,
Не может вместе быть оно.

А то, что вместе в нас бывает,
Ни злом, ни благом назовём.
Поищем, что оно такое,
Быть может, к истине придём.

Кто хочет пить – получит воду

И радость жажду исцелить,
Но с жаждой исчезает радость
И некого нам в том винить.

Мы видим, что страданье наше
И удовольствие порой
Одновременно исчезают,
Ни зло, ни благо то – усвой.

Теперь поговорим о лучших.
Одних всегда так назовём?
В войне плохие – это трусы,
Да неразумные притом.

Но там услышав – враг отступит,
Все рады – тот, кто трус и нет,
А трусы даже и поболее,
Они боялись тех побед.

Мы радость называем лучшим,
Чем у печали быть в плену.
В примере нашем всё смешалось,
Кто лучше – хуже, не пойму.

И получилось в сём примере -
С хорошим равенство плохих,

Плохие были даже лучше,
Не видим разницу мы в них.

И будем так же мы не правы,
Когда мы станем утверждать,
Что удовольствие и благо – одно.
Нельзя их уравнивать.

Всегда ведь благо – это благо,
А удовольствия – то нет.
Коль рассуждения понятны,
Хочу услышать я ответ».

– «Да, удовольствия бывают
Как хороши, так и плохи».
– «Хорошим – пользу называешь,
Их в жизни ты то и лови?»

Не каждый может сделать это –
Что хорошо, определить.
Все удовольствия, конечно,
Нам надо благу подчинить.

И говорил уже я Полу -
Угодничеством я б назвал
Занятия для удовольствий,

Где «плюс» и «минус» потерял.

Игра на флейте для народа
Иль сочинение хоров
Не ставит целью сделать лучше
И средь поэтов – пустослов.

Ораторов иные речи,
Навряд ли, пользу принесут,
О душах редко кто печётся,
Угодничеством веет тут.

А речи только те достойны,
Их благом назову тогда,
Коль слажены они в порядок,
Как дом, что простоит века.

Для тела слаженность – здоровье,
А для души – законы есть,
Что держат нашу справедливость,
Воздержанность, а в целом – честь.

Здоровому лишь только телу
Врач разрешит любое пить.
И душу, если не здорова,
Должны мы прежде излечить.

Теперь Калликл, что ответишь,
Не изменил свой прежний взгляд?»
– «Давай оставим разговор мы,
Поговорить с тобой был рад.

Но, если хочешь – говори сам,
Послушать все тебя хотят».
– «Продолжу наши рассужденья,
Где правда, ложь – определяют.

Я убеждён, что в нашем мире
Приятность, благо – не одно,
Коль удовольствие ты ищешь,
То к благу приводи его.

Да, удовольствие нам в радость,
Но благо счастье нам даёт.
И ищем мы во всём порядок,
А то – воздержанность зовёт.

Такие – справедливы к людям,
Благочестивые к богам.
Про мужество мы не забудем,
Коль надо дать отпор врагам.

Всё вытерпеть, когда то надо,
Разнузданность же обуздать,
Но если в чём-то провинился,
То наказание принять.

Разнузданному дружба – сложна,
Не может он не враждовать.
А нам Вселенную «порядком»
Иль «космосом» привычно звать.

Земля и небо, боги, люди
Едины в дружбе, не в вражде.
Во всём мы ценим свой порядок,
Нам справедливость бы везде.

Про равенство хочу напомнить,
Про то, что зло чинить – не след,
Что лучше потерпеть несчастье,
Чем приносить другому вред.

Ты говорил, Калликл, про силу,
Что хорошо бы власть иметь.
Но если власть в руках злодея,
Я не хотел б его воспеть.

И если делает злодейства,

Он – негодяй, а жертва – нет.
Ты призываешь к красноречью,
Чтоб избежать всех этих бед?

Сравню твоё искусство с тем я,
Что низким смог бы ты назвать.
Так, кормчий судна не решает –
Злодея чтоб на дно послать.

Но кормчий иль владелец судна
Не хвастает, как ты сейчас,
Что он злодея перевозит.
За красноречьем – зло подчас.

Не вижу благородства в этом –
В искусстве как спасти себя.
Цепляться нам за жизнь не стоит,
Нам жизнь бы ни прожить всю зря.

Ты говорил и про искусство -
Как силу в городе иметь.
Но если угождать собрался,
Ответ один – родиться здесь.

Чтоб знать привычки и желанья,
Другой я и не дам совет.

Теперь ответь, кто стал хорошим,
Кого избавил ты от бед?

Когда строителя мы ищем,
То смотрим на его дома.
А у врача – на пациентов.
Твоя известность – в чём она?

Про мудрецов мы вспоминали,
Что много блага принесли.
Но Фемистокла⁽²⁴⁾ то изгнали.
Напраслину, что ль, возвели?

Перикл⁽²⁵⁾ много сделал блага,
Когда же жалованье дал,
Его вдруг разом обвинили,
Что город наш развратным стал.

Ведь разве скотника негодным
Не стоит нам тогда назвать,
Когда из смирных он животных,
Им дикими позволил стать?

И разве так оно бывает -
Возничий вдруг упал с седла.
Он от езды стал неумелым,

Зачем тогда его дела?

Когда хороним человека,
Врача обычно мы виним,
Про повара мы забываем,
Кто до излишеств допустил.

И в управленье государством
Винят как часто лишь того,
Кто красноречьем наставляет,
Не тех, кто зло принёс в него.

Я мудрецов, кого изгнали,
С софистами могут сравнить.
Уроки дав про справедливость,
Зачем же в скупости винить?

Нет смысла в этом – утверждая:
«Хорошими я сделал вас»,
Потом назвать вас негодяем,
Коль плату не внесли сейчас.

Считаю я, платить не надо,
Когда советы ты даёшь
О жизни в доме, в государстве.
Советом благо принесёшь.

К чему меня ты призываешь,
Калликл, всё-таки ответь –
Как сделать лучше афинян мне
Иль угождать, о чём же речь?»

– «Сократ, конечно, угождать им,
Чтоб, если будешь под судом,
Смог оправдаться пред мерзавцем,
Когда придёт с судом он в дом».

– «Калликл, это не приемлю.
Коль будет, кто меня судить,
То справедливые поступки
Меня лишь смогут защитить».

А суд я назову ребячьим,
Когда те судят лишь врача,
Не повара, кто потакал им.
И будет суд тот сгоряча.

Смерть не страшит меня, а хуже -
Когда неправедна душа
Идёт в Аид, где мрак и стужа.
Такая смерть не хороша.

Предание, Калликл, послушай.
Быть может, ты поймёшь тогда,
О чём толкуем мы с тобою,
О чём я вам твержу с утра.

«Раз Крон-отец⁽²⁶⁾ всю власть оставил.
Сын Зевс⁽²⁷⁾ и Посейдон⁽²⁸⁾, Плутон⁽²⁹⁾
Всё разделили меж собою -
Отец решил, что прав в том он.

Для у'мерших Закон блюли все -
Когда прийти к вам смерть должна,
Живые сообща решали -
Кого куда ведёт она.

Благочестивые – на Остров,
Блаженным все его зовут.
А нечестивые – в темницу,
В Тартар, навеки мрак им тут.

«Плутон» – правители блаженных
Приходят к Зевсу с вестью той -
«На Остров к ним не тех привозят,
В решениях порой застой.

Не видят судьи под одеждой,

Кто честный, ну а кто злодей».
Решил Зевс – будет по-другому,
От судей отстраню людей.

Судить чтоб всех теперь нагими,
Тогда душа одна видна.
Не знать, когда твой час настанет,
Ответить, если есть вина.

Назначил он судью в Европе,
А в Азии – другому быть,
Чтоб Минос⁽³⁰⁾ – удалял сомненья,
На перекрестке всё решить.

В душе без тела все пороки
И все красо'ты увидеть.
И если послан кто в темницу,
Пример другим тем показать».

В Тартаре, думаю, цари есть,
Властителям там тоже быть.
Как трудно жить им всем, однако,
С свободой что хочу творить.

Моя забота и призыв к вам –
Мысль о душе важна одна.

Хорошим быть – вот это дело,
Казаться – грош тому цена.

Итог я подведу беседе –
Ты будешь счастлив и сейчас,
И после смерти, если сможешь
Быть справедливым среди нас.

Для исцеленья – наказание
Не в тягость будет для тебя,
А красноречие направишь
Во благо для других, себя.

В суждениях – определиться
И строже нам бы надо стать.
Советы стыдно раздавать вам,
В ком постоянства не видать».

(22) Ксеркс – «Царь героев», четвертый шахиншах Ахеменидской державы, Персия (Иран), 519-465 гг. до н.э.

(23) Геракл – персонаж греческой мифологии, полубог, сын Зевса и Алкмены

(24) Фемистокл – древнеафинский государственный деятель, один из основателей афинской демократии, знаменитый оратор и полководец, 524-459 гг. до н.э.

(25) Перикл – древнеафинский государственный деятель, один из основателей афинской демократии, знаменитый оратор и полководец, умер 429 гг. до н.э.

(26) Крон (Кронос, Хронос) – персонаж греческой мифологии, верховное божество, сын первого бога Урана (неба) и богини Геи (земли)

(27) Зевс – персонаж греческой мифологии, бог неба, грома и молний, главный из богов олимпийцев, сын Кроноса

(28) Посейдон – персонаж греческой мифологии, верховный морской бог, сын Кроноса

(29) Плутон – персонаж греческой мифологии, бог подземного царства Аида, сын Кроноса

(30) Минос – персонаж греческой мифологии, легендарный царь Кносса – столицы Древнего Крита, сын Зевса

Стих 16. Менон

В Афинах гость из Фессалии -
Менон к Сократу подступил
С вопросом: «Добродетель наша
В природе иль кто научил?»

Сократ ответил, что не знает,
Не ясно, мол, ему пока.

А что такое «добродетель»,
Менон – знаток наверняка.

Тот рассказал, что добродетель –
Для каждого своя она.

Мужчине – управлять делами,
А женщине – вести дома'.

У старца или у ребёнка
Те добродетели разны'.
Для возрастов всех и занятий
Различья явные видны.

Сократ спросил: «Ты добродетель
Мне описал как рой из пчёл.
Теперь скажи мне, гость наш Менон,
Идея общая в ней в чём?»

Чтоб управлять иль государством,
Иль домом – справедливым быть?
Ведь в этом сходна добродетель,
Как будешь это ты судить?»

– «Сократ, наверно, добродетель –
Способность управлять людьми».

– «Но для раба или ребенка

Другое свойство ты возьми».

– «Тогда, наверно, справедливость
И мужество, рассудок то ж».

– «Опять мне множество даёшь ты.
А общее – когда учтёшь?»

Я приведу тебе примеры,
Чтоб объяснить, что я хочу, -
Есть очертанья у предметов,
О цвете тоже не смолчу.

Я «очертаньем» называю – границу тел.
В сём краткость есть.
О цвете расскажу пространней -
Трагедии мы любим здесь.

По Эмпедоклу⁽³¹⁾ истечения
Идут из пор любых вещей,
Размеры пор бывают разны.
Не слышал ты таких идей?

И «цвет» – то истечение тоже
Из очертаний – видит глаз.
Красиво сказано, надеюсь.
Но мне по нраву – первый сказ».

– «Сократ, а мне про «цвет» поближе».

– «Как хочешь, так и говори.

Не разбивая всё на части,

Что «добродетель» назови».

– «Идти к прекрасному, конечно,

Быть в силах к этому прийти».

– «В прекрасном ищем только благо?

Но есть, кто к злу придут в пути.

Одни не ведая об этом,

Другие зная. Злым чтоб стать?

Так значит, добродетель – это

Не путь, способность достигать».

– «Что благом в жизни ты считаешь?»

– «Скопить богатств, в том власть найду».

– «А если путь бесчестным будет?»

– «Пороком это назову».

– «Пришли с тобой мы к заключенью –

Что добродетельны дела,

Когда вершит их добродетель.

Что «добродетель», где слова?»

– «Сократ, заговоришь любого,
Оцепенел я словно скат.
Остерегался бы такого,
Про колдовство уж говорят».

– «Красивых слов, Менон, не жди ты.
И сам в растерянность я впал -
Не знаю, что есть «добродетель».
Ты знал, теперь невеждой стал».

– «Сократ, а как же ты узнаешь
О вещи незнакомой нам?»

– «Один поэт сказал когда-то -
Душа бессмертна здесь и там.

А коль бессмертна, то припомнит,
Всё, что встречается в пути,
И если мужественным будешь -
Любые знания с ней найти».

Сократ покажет на примере -
Раба расспрашивает он,
Искусно ставит он вопросы.
Раб отвечал, хоть не учён.

– «Вот видишь, Менон,

Раб, не зная о геометрии закон,
Отвечил мне на все вопросы.
То знанье, может, жило в нём?

– Твой же совет – искать не стоит
То, что пока не знаешь ты,
Он для лентяев лишь подходит
И доведёт он до нужды.

Я ж буду воевать словами,
С девизом за дела берусь –
Искать неведомое надо.
В душе – вся правда, ты не трусь».

– «Сократ, давай вернёмся всё же
К тому, о чём спросил тебя –
Мы добродетель получаем
Или имеем приходя?»

– «Я вынужден с тем согласиться,
Но, Менон, с допущеньем всё ж –
Что «добродетель» – то души часть.
На геометра стал похож.

Те любят допущенья тоже,
Когда к решению идут.

На «знание» она похожа –
Так «добродетель» назовут?

И если знанье, то, конечно,
Любого можно научить,
А если нет, то бесполезно
О том ученье говорить.

А «добродетель» – это «польза»?
«Да» – слышим мы ответ.
Но сила, красота, богатство
Иль мужество и щедрость – нет.

И вред, и пользу то приносит.
Когда ума в поступках нет,
Они не станут вести к благу,
От них частенько будет вред.

Душа всем в жизни управляет,
А в ней зависит от того -
Иль разум всё благословляет,
Иль всё ужасно – нет его.

Признаем, разум–добродетель
Не может от природы быть.
Иначе, люди стали б холить,

Искать таких, лишь их любить.

Вопрос о том, как научиться
Всем добродетельным вещам? -
Найти учителей нам надо.
Где их искать, кто скажет нам?

Быть может, Анит нам ответит -
Куда нам Менона послать?
Софисты громко обещают
Учеников за плату брать».

«Нет» – Анит молвил – «Я не стал бы
Учиться у таких людей,
В Афинах много есть достойных
Для подражания мужей».

– «А те, которые достойны,
Кто научил тому всех их?
И почему не научили
Достойным стать сынов своих?

Похоже, что ни среди софистов,
Ни среди достойнейших мужей
Учителей не отыскать нам,
Учеников нет среди людей.

И добродетели не учат».

– «Сократ, хорошим как же стать?»

– «А приносить лишь только пользу,
Во всём же разум прилагать.

Чтобы вести людей дорогой,
Не важно – перед тем пройти.
Помимо знаний есть и мнение
О правильности в том пути».

– «Сократ, но знанию то выше
Над мнением обычно встать».

– «Да, мнения порой летучи,
Их бы причинами связать.

Но оба – мнения и знания
Природа вовсе не дала.
А добродетели не учат -
Совсем не знание она.

Правитель же у государства,
Из тех, кто в них преуспевал,
Не мудростью о том владел он,
Иначе нам бы передал.

Мы называем это мнение -
Как государством управлять -
Божественным и вдохновенным.
Поэтам тоже то подстать.

Я утверждаю – добродетель
Не от природы внесена,
Ей научиться невозможно,
Она нам Богом в дар дана».

(31) Эмпедокл – древнегреческий философ, врач, государственный деятель, жрец, 490-430 гг. до н.э.

Стих 17. Кратил

Встречает Гермоген Сократа
И просит объяснить слова -
Кратил ему сказал когда-то,
Что имя вещи – ей глава.

Кратил не пояснил собрату,
Что значит – правильность имён.
Сократ привычен к рассуждениям
И в них Сократ для всех умён.

«Мне имя вещи – договор то» -
Беседу начал Гермоген –
«По соглашению называем,
Природа ни при чём совсем.

Название можем поменять мы,
Как имя, данное рабу».
Сократ спросил: «Мы называем
Все вещи разное – не пойму?

Могу я лошадь человеком назвать? -
Бессмыслицу найдёшь.
Речь, если истинной бывает,
То имя – речи часть- ведь то ж?»

– «Но вещи разное называют -
По городам я походил».
– «Ты Протагора⁽³²⁾ считаешь?
Он эти мысли говорил.

Мол, человек – то мера вещи
И значит, для меня – одна,
А ты воспримешь по-другому.
Иль вещь всегда себе верна?

Не может быть разумных – глупых,

Коль истина, что видишь сам.
Не может быть плохих – хороших,
Коль вещь всегда одна лишь нам.

Я утверждаю – вещи каждой
Прилична сущность лишь своя.
И имя вещи в этом важно,
Напрасна мнительность твоя.

И действия над каждой вещью
По-разному мы совершим.
Когда неправильно оценим,
Разрезать вещь не хватит сил.

Дать имя – это тоже действие
И соответствовать должно,
Чтоб сущность вещи отражало
И было вещи той верно.

Для действия мы применяем
Орудия – их целый ряд.
Челнок для ткани выбираем,
Челнок хороший – мастер рад.

Берут ведь разные породы
Деревьев – челноки создать.

И в именах вещей мы можем
Различны звуки применять.

Для нас и варваров отличны
Слога и звуки, вещь ж – одна.
А в том согласен я с Кратилом –
Природа в имени видна.

Законодатели дают нам
Для каждой вещи имена.
Чтоб правильность их оценили,
Нам диалектика нужна.

Гомер сказал, что у богов лишь
Мы слышим правильность имён.
Так «Зевс» из двух слогов сложили –
День–Дзен, то жизнь, и смысл поймём.

Среди людей разумных первых
Все чтили Солнце и Луну,
Которые идут по кругу, «бегут» –
Так слово «бог» пойму.

Людей тех первых «золотыми»
Нам славный Гесиод⁽³³⁾ назвал.
Достойными они, мол, были

И каждый демоном там стал.

Те демоны служили людям,
Их охраняли от невзгод
И знали, что, когда, с кем будет –
«Ведемоны» – потерян слог.

«Герой» идёт от слова «Эрот»,
Произошли ведь от богов -
Те иногда влюблялись в смертных». –
«Что ж «человек», каких слогов?»

– «Сказал бы – «ловит он очами».
То от животных отличит -
За всем он в мире наблюдает,
А поразмыслив, говорит».

– «А что такое слово «тело»
И что «душа» – как то сказать?».
– «Продолжу размышлений дело.
«Душа» – «дышать» иль «отдыхать».

О «теле» рассуждают всяко –
Плита могилы, знак души,
Оплот, где душу поселили,
Чтоб искупить ей там грехи».

– «Сократ, хотел бы я услышать,
Что значат имена богов».

– «Чтоб богохульным не назвали,
Скажу людских немного слов.

По Гераклиту⁽³⁴⁾ – Мир начался
С «толчка» и всё с тех пор течёт,
Нельзя войти в ту реку дважды.
«Текучим» – Крона наречёт.

– «О Зевсе я уже поведал,
А «Посейдон» – то «потрясать»,
«Плутон» – подземным всем заведат,
«Богатства» только там сыскать.

Другое имя у Плутона – «Аид» -
Подземная страна,
«Невидимой» что называют.
Совсем не страшная она.

Сирены не хотят оттуда
Наверх обратно улететь,
А значит, держат их не цепи,
Желанье, видимо, не счесть.

Бояться люди – обнаженной
Душа в Аид навек уйдёт.
Но добродетелью их свяжут,
Когда с души их плоть сойдёт.

И может быть, «Аид» – то «ведать»
Прекрасное – скажу вам я.
Позволь об Аполлоне молвить,
То интересно всем, друзья.

Напрасно многие страшатся
Его прозвания, то – навет.
Я слышу в имени другое -
«Полощет душу» – в том секрет.

Объединяет он в единство
И музыкальность, и стрельбу,
К пророчеству имеет склонность
И к врачеванию – так пойму.

Про Диониса, Афродиту спросил?
Вот шуточный ответ -
Он всем вино даёт в достатке,
Она из пены шлёт привет.

Гефест, Афина – это пара.

Её теперь ты назовёшь?

Приставку прочь и «Фест» услышишь,
«Знаток» то «света» – враз поймёшь.

«Афина» – «бога мысль», известно.

«Гермес» – он «вестник бога», знай.

«Пан» – сын его, верх – как у бога,

А низ – козла, как «всё» читай.

Богов оставлю я, пожалуй.

Что бы узнать ещё могли?

О «Солнце»? – бродит бесконечно,

«Слоняется» вокруг Земли.

«Луна»? Ну, это очень просто –

От Солнца свет она берёт,

А свет – то «луч», что ей светило

По-новому всегда даёт.

«Огонь», «вода»? Слова такие

От варваров могли придти.

Для эллинов их смысл неясен,

Ведь разные у нас пути.

Про «воздух»? – От Земли восходит,

Течению должное отдам.

«Земля» – то слово вглубь уходит,
Как «прародительница» нам.

Слова такие как «познание»
Несут движение в себе.
Движеньем вещи «правит» «право»,
В нём этот смысл понятен мне.

С ним связана и «справедливость».
«Искусство»? Так могу сказать –
Ты, если буквы переставишь,
Как «ум иметь» – легко понять.

Первоначальные названия
Вещей меняются всегда.
Для красоты всё переставят,
Попробуй смысл найти тогда.

Причина для названия вещи –
То мысль людей или богов.
«Прекрасной» назову я мысль ту.
«Постыдной» – имя для оков.

Оков, что для потока жизни
«Препятствием» мы назовём.
Что обвивает как верёвкой,

Конечно, «вредным» признаём.

«Познанию» – брат другое слово –
Как «подходящее» звучит,
Когда душа, бродя у вещи,
Подходит к ней, пусть и молчит.

Но «польза» – то чужое слово,
Гомер так смысл определял -
«Приумножение» подходит.
В словах Гомер толк точно знал.

Меняется речь понемногу,
А с ней, конечно, имена.
Мы чем «обязанность» считаем -
Уздой, помехой, прав ведь я?

Но в старом нашем же наречье
Звучит совсем не так оно –
«Начало, что ведёт к порядку».
По мне – такое и верно.

И снова подчеркнуть хочу я,
Что смысл имён бывает скрыт
Иль если с варвара наречья,
Иль если в древности забыт.

Но имена, что мы имеем,
Первоначальные иль нет,
Все отражают сущность вещи.
Ищите сущность – мой совет.

И в имени не подражанье
Для вещи видим мы всегда.
Не надо сравнивать их с жестом,
Сравненье это – ерунда.

Ведь живописец для портрета
Мешает краски так и сяк.
Из букв, слогов выходит имя –
Портрет для вещи. Это так?

Задачу нашу мы исполним,
Коль способ с вами мы поймём,
Как имя первым назначали,
От них к позднейшим перейдём.

Отбросим эти мы уловки –
Мол, боги дали имена
Иль варвары, от нас далёки,
Иль просто древность погребла.

Наверно, смел я в том излишне,
Но утверждаю всё же я,
Что составитель всех названий,
Все звуки выбирал не зря».

Кратил согласен был с Сократом.
Сократ продолжил речь свою:
«Себя обманывать не стоит,
Дорогу изучай твою.

На вещь укажет то лишь имя,
Что верно отражает суть.
Ты говоришь – что обучают?
Искусство это, не забудь.

А как искусство, то наверно,
Есть лучше – хуже имена».
Кратил сказал, что не согласен –
Законы правильны всегда.

– «Кратил, художник на картине
Не все черты изобразит,
Пропустит кое-что в портрете.
Такое ж в имени грозит».

Кратил вновь возразил на это:

«Но, если букву уберёшь,
Получишь имя ты другое».
– «Такое в счёте лишь найдешь».

Портрет и человек – различны,
И имя – вещь различны то ж.
Иначе всё бы раздвоилось,
Так в мире сути не найдёшь.

Бывают имена такие,
Что буквы исчезают в них,
Однако важно лишь, чтоб образ
И в новом имени возник.

Скажи, Кратил, с кем ты согласен,
Со мной, что имя – вещи суть
Иль с Гермогеном, что названья -
Лишь договор о чём-нибудь?»

Кратил согласен в том с Сократом.
Сократ добавил: «Сложность тут,
Что Гермоген и прав, однако,
Не все ведь звуки подойдут».

У вещи мягкой есть звук твёрдый,
Но имя понимаем мы,

А значит договор с собою
Имеют наши всё ж умы.

Сказал ты – имя обучает,
Но вдруг ошибся тот, кто дал
Такое имя вещи первой,
Второй ошибку не узнал.

Как в чертеже ошибка эта
К большой беде нас приведёт.
Не будет прочным тех созданье,
Кто в основанье ложь кладёт.

Мы приняли, что имя – сущность,
Согласен ты, что «всё течёт».
Но вижу я, что в слове «знание» -
Никто «теченье» не поймёт.

Есть имена вещей не лучших,
«Невежество» могу назвать,
Что «рядом с богом путь» значит.
Примеров этих – тьму сыскать.

Ты говоришь, что составитель
Знал вещи, им дав имена?
Но как закон он мог устроить,

Коль вещь не названа была?»

Кратил ответил, что, наверно,
Был составитель сверх людей.

– «Бог иногда, мол, ошибался?»

– «Ошибки – от людских идей».

– «Кратил, похоже, мы с тобою,
Заставим спорить имена –
Кто истинен из них, кто ложен,
И с этим не согласен я.

Что лучше будет в обученье –
Смотреть на вещь или портрет?
Не надо нам таких мучений -
По именам учить не след.

Ты Гераклита почитатель,
Мол, красота вновь ускользнёт,
Раз всё течёт, но я, приятель,
С тем не согласен – есть оплот.

Раз познающее – извечно,
То познаваемо – в века.
И доброе с любым прекрасным -
Неизменяемые пока.

Я думаю, что человека
Разумным сложно нам назвать,
Когда он мыслит – всё в движенье,
Но хочет смысл имён искать.

Кратил, ты молод, сил в избытке,
Не надо верить бы всему.
Исследуй, что мы обсудили,
Придёшь – расскажешь, вдруг пойму.

(32) Протагор – древнегреческий философ, виднейший представитель софистов, 486-411 гг. до н.э.

(33) Гесиод – первый исторически достоверный древнегреческий поэт, рапсод, род. 750 г. до н.э.

(34) Гераклит – древнегреческий философ, создатель первоначальной формы диалектики, 535-483 гг. до н.э.

Стих 18. Федон

Федона как-то попросили
Всем о Сократе рассказать,
В тюрьме его как навестили
И почему пришлось так ждать.

Не сразу приговор судебный
Был над Сократом приведён.
– «Из Делоса корабль ждали,
Ведь праздник – вот такой закон.

В день казни мы пришли к Сократу,
Счастливым показался он.
Ксантиппа⁽³⁵⁾ там была с ребёнком,
Всех печалил её стон.

Велел он увести Ксантиппу
И начал с нами говорить.
Беседу, что до казни длилась,
Попробую я повторить».

– «От кандалов натер я ноги,
Но только сняли кандалы,
То удовольствие пришло мне.
Такое часто видим мы.

Хотите знать – зачем в тюрьме я
Стихи без устали слагал.
Как часто в жизни сон я видел,
В нём голос к Музам меня звал.

Искусством высшим занимался,
Так философию я чту,
В тюрьме понизил свою планку -
Стихосложение веду.

Прославил бога Аполлона.
Решил, что главное в стихах –
Не рассуждать о смысле жизни,
А мифы оставлять в веках.

Но к мифам ум мой не привычен.
В стихах я басни изложил,
Эзопа басни, и отлично,
Что разум память одолжил.

Быть может, должен я сегодня
Что там в конце, пообсуждать.
Поговорим мы до заката,
Недолго нам осталось ждать.

Узнать хотите, почему же
Философам смерть не страшна',
Но сами с жизнью не покончат.
В нас бога собственность видна.

Надеюсь, я приду к блаженству,

В мир мудрых, добрых к нам богов.
Увижу дорогих людей мне,
Их души будут без оков».

Кратил вдруг перебил Сократа,
Прислужник, мол, велел сказать -
Волнение тебе не надо,
Чтоб яду сразу тело взять.

Сократ на это отмахнулся,
И вновь продолжил речь свою:
«Какие странные вы люди,
Я ваши взгляды не пойму.

Всю жизнь философ размышляет
О жизни, смерти. Разве нет?
Не может он вдруг волноваться,
Когда придёт её момент.

Что смерть? – Душа покинет тело,
Что ждёт всегда себе утех.
Философ в пище смысл не ищет,
Богатство платья – не для тех.

Мы от поэтов часто слышим,
Что слуху доверять нельзя.

Раз смерть очистит нас от тела,
То только «разум» стану я.

Глазами видим справедливость
Иль доброе? Конечно – нет.
Лишь разум служит для познания.
Исследуй вещь в себе – совет.

Философу мешает тело,
Всё что-то требует оно.
И если тело разум глушит,
Иль знания – нет, иль – без него.

Пока живёте, ваше тело
От безрассудств очистить б вам.
Вы душу им не загрязняйте -
Такой совет ещё я дам.

Мне путешествие не страшно -
Надеюсь, ум очистил свой.
Бояться смерти – это глупо,
Мой дух отправит на покой.

А если вы боитесь смерти,
То мудрости не достаёт
И любите своё лишь тело.

Философ это не поймёт.

Обычно, мужество – от страха,
Умеренность – боязнь беды,
А воздержанность – покорность
Всем удовольствиям среды.

Я думаю, не добродетель -
Так удовольствия менять,
И страх на страх, будто монеты
На рынке вам пришлось достать.

А правильна одна монета –
Разумность, без нее – рабы.
Очиститься от страсти надо,
Включать почаще бы умы.

Тот, кто сойдёт в Аид нечистым,
В грязи там будет прозябать,
А с чистою душою люди
С богами будут вечность знать.

Ответил на вопросы ваши,
Спокоен почему я так?
Недолго ждать теперь осталось,
Навряд ли, попаду впросак».

Кебет в сомнении остался:
«Есть люди, кто твердит всегда,
Раз ты со смертью повстречался,
Душа – рассеяться должна.

Ты объясни нам аргументы
Бессмертия души у всех -
Остались скользкие моменты.
Четыре аргумента тех».

Сократ согласен повториться,
Чтоб ясно стало, о чём речь.
– «Всё в мире ведь имеет пару,
Куда всё может перетечь.

Из слабого ты станешь сильным.
Был сильным, но вдруг ослабел.
Раз из живого станешь мёртвым,
Живым опять ты стать б сумел?

Есть древнее одно ученье –
Душа твоя идёт в Аид,
Там обретается, покуда
Ей возвращенье не грозит.

И в мире всё идёт по кругу,
А если было б по прямой,
Возникновенье б прекратилось,
Заснул – так вечно на покой.

Второй наш аргумент о знанье.
Припоминание иль нет
Того, что было до рожденья?
Вопрос коль верен, есть ответ.

Когда мы сравниваем что-то,
То знаем, с чем сравнить его.
И хоть шкала бывает разной,
Но в целом – равенство одно.

И в целом бытие в прекрасном
Иль в добром всё вне нас живёт.
И знание об этом целом
Нас до рождения уж ждёт.

Мы при рождении теряем,
То знание, что есть вне нас,
Но чувствами приобретаем -
«Учением» зовём подчас.

Но где-то знанье ведь хранится.

А не в душе ли, может быть?
И если есть та сущность мира,
Тогда душе в нём тоже жить.

И третий аргумент припомним –
О свойствах душ у нас вопрос.
Рассеяться легко, что может?
Да, составное – дым б унёс.

Всё, что в себе лишь существует,
То – целое, не раздробить.
Есть красота, что неизменна,
А есть и та, что разной быть.

Второе чувством познаем мы,
Но в первом – только мысли труд.
Мы тело наше видим ясно,
Душа для нас не зрима тут.

Душа всем телом управляет,
Божественна душа всегда.
А тело – смертным пребывает,
Душа ж – бессмертием полна.

Набальзамируйте вы тело -
Как? – то в Египте объясним,

И тело сохранится долго.
Душа же что – уйдёт вся в дым?

Есть души чистые – такие,
Что с телом крепко не срослись.
Те у философов, конечно.
Для них в познании вся жизнь.

И после смерти эти души
Идут в божественный Аид.
А душам, что в развратном теле,
Такое точно не грозит.

Скитаются разврата души
И ищут, где теперь им жить.
Обжоры станут вновь ослами,
Злодеям в шкуре волка быть.

А рассудительные души,
Наверно, в пчёл войдут потом,
Иль в муравьев, иль в человека,
Воздержанного впредь во всём.

Все страсти пригвождают душу
Надолго к телу и она,
Конечно, чистой уж не станет,

Ей жизнь в Аиде не дана.

Душа та попадёт к другому
И пустит в тело то ростки.
Опять прилепится, покуда
Ей смерть не разорвёт тиски.

Философ не боится смерти,
Он знает – душу не убить».
На этом все вдруг замолчали,
Ведь скоро уж и казни быть.

Сократ продолжил: «Даже если
Я убедить вас не могу,
Я не считаю казнь бедою,
Как лебедь песнь свою веду.

А лебедь – птица Аполлона,
Пред смерть лучше ведь поёт.
Наверно, благо ожидает,
Когда душа в Аид придёт».

Вступил в беседу Симмий юный:
«Нам знаний точных не достать.
В гармонии, быть может, дело,
Так душу надо называть?

Когда разрушится всё тело,
А значит, смерть к нему войдёт,
Гармония исчезнет тоже,
Как будто струны лир порвёт».

Другой «мудрец» из молодёжи –
Кебет, сказал: «По мне душа
Как плащ ткача меняет тело,
Но ткач умрёт, не сняв плаща.

Тогда – последний момент смерти
И в нём душа погибнет всё ж.
Поэтому-то, смерть боятся,
Иной причины не найдёшь».

От слов таких все помрачнели.
Федон ободрил, мол, Сократ
Рассмотрит эти возраженья,
Чему там каждый был бы рад.

Сократ сказал: «Беда большая,
Когда доверие к словам
Теряем или к рассужденьям
Вдруг отнесёмся как к врагам.

И если кто-то вас обманет,
Не надо ненавидеть всех.
Ты крайности увидишь редко,
Срединных – изобилье тех.

Не верите вы рассуждениям?
Быть может, виноват и я.
Я спорить с кем-то не желаю,
Хочу лишь убедить себя.

Не надо думать о Сократе,
Об истине бы мыслить вам.
Дополню эти рассуждения,
Закат пока далёко там.

Согласны – души существуют,
Раз знание вне нас живёт.
Об этом долго я толкую –
Душа откуда-то придёт.

Гармония ж не может, Симмий,
Быть перед тем, чем управлять.
В гармонии настройка важна,
В душе настройки не видать.

Мы говорим, что души разны -

Бывает хороша, дурна.
Дурна – с настройкой не согласна,
В ней дисгармония видна.

И значит, предпосылка, Симмий,
Душа – гармония, то бред,
А то получится, все души
Сплошь хороши, а это – нет.

Душа, обычно, правит телом.
Хотим мы пить, врач не велит,
Мы соглашаемся с советом,
Гармония ведь здесь молчит.

Кебет, ты хочешь доказательств,
Душа – бессмертна, не сломать.
Могу пообсуждать я это,
Причины смерти поискать.

Рождения причины тоже -
Четвертый это аргумент
В теории души, похоже.
Такой я приведу сюжет.

Желал я в молодые годы
Познать природы тайны все –

Не от гниенья ль жизнь возникла,
Не мозг ль приносит знания те.

Об изменениях на небе,
Об измененьях на Земле.
Но чем я больше изучал всё,
Тем меньше знания было мне.

Я думал раньше – люди росли,
Когда едят и пьют они.
Теперь не знаю, почему же
Есть – велики, а есть – малы.

Не знаю я, что значит «двойка».
В то превращается «один»,
Когда придёт к нему такой же
Иль «два» – слиянье из един?

Как возникает «единица»,
И всё другое – не узнал.
Потом про мысль Анаксагора⁽³⁶⁾,
Что Ум – причина, услышал.

Что Ум приносит в мир порядок.
Я был доволен, вот закон -
Исследуй лучшее в природе,

И ты про мир поймёшь – что он.

Узнаешь, что Земля такое –
Иль шар, иль плоская она,
Про Солнце и Луны движенье,
Про скорость, что нам не видна.

Но изучив труды я эти,
Вниз вверх тормашками летел.
Узнал лишь, что эфир – в ответе,
А что хотел знать, не сумел.

Сравню ученье я такое
С тем утверждением, что Сократ
Сидит здесь сторбившись пред вами,
Из-за хрящей, их в теле – ряд.

Не потому, что чтёт законы
И уважает свой народ.
Ученье, видимо, такое
К причинам нас не приведёт.

И возникают беспричинно
Те утверждения, что Земля
Висит недвижно иль корыто,
Что воздух держит, – то она.

Решил оставить я природу,
Решил понятия постигать.
Ослепнешь, если без защиты
Затменье Солнца изучать.

Я говорил вам – существуют
Понятия сами по себе.
«Прекрасное» иль «справедливость»
И прочее, всё то – везде.

И вещь становится прекрасной,
Благодаря лишь «красоте»,
Как и большая – от «большого».
Есть вещи, есть и «вещь в себе».

И если что-то знак меняет –
Бег быстрый, вот замедлен он,
То «вещь в себе» не исчезает,
И для понятий то – закон.

«Холодное» не станет «жарким»,
А снег легко расплавить вам.
«Нечетное» – всегда нечётно.
Идея не подвластна нам.

Чтоб в «тройку» нам добавить чётность,
Нам «единицу» бы пригнать.
Чтоб в тело жизнь смогли вдохнуть мы,
Нам душу следует призвать.

Для жизни смерть – то отрицанье,
«Бессмертным» это назовём,
А значит и душа бессмертна,
Когда понятия учтём.

«Нечетное» ведь будет вечно,
И значит «тройка» вечна то ж.
«Бессмертное» не может сгинуть,
И для души то не найдёшь.

Я думаю идеи эти – «жизнь»,
«Бог», «бессмертье» – не уйдут.
Когда наступить смерть, я верю,
Что души все в Аид войдут.

Итак, Кебет, ты убедился, -
Душа бессмертна, вечна то ж?»
Но Симмий вновь сказал Сократу:
«Сомнений душу режет нож».

Сократ ответил: «Вы ищите -

Ответы надо вам найти.
Сейчас хочу я о заботах
Души беседу поведи.

Душа бессмертна, это значит –
Заботься ты о ней сейчас.
В загробном мире то учтётся -
В душе что сложено у нас.

Мы умираем – наши души
Наш гений приведёт на суд.
Вожатых позже предоставят,
Они в Аид их отведут.

Кто чист, того прямой дорогой,
А грязным долго там плутать,
Их сторониться души будут.
Хочу вам Землю описать.

Я думаю, Земля в пространстве -
Как шар, устойчив шар тот там.
Огромность не подвластна взору,
Мы – муравьи здесь, тесно нам.

Во впадине живём, наверно.
Не можем вверх подняться мы

И увидеть всю Землю разом,
Пока слабы у нас умы.

Есть миф: «Земля – то шар из кожи,
Двенадцать разных в нём цветов.
И земли все в нём не похожи,
Везде всё разных голосов.

Цветы, животные и камни,
И климат не такой как здесь,
Там зной, прохлада – переменны,
Народ живёт здоровый весь.

Все впадины Земли под нею
Имеют связь из разных рек,
Холодны реки и из лавы,
И те уж не проплыть во век.

Насквозь пронизывает Землю
Тартар – все реки к ней бегут.
Та пропасть поглотит любое
И страшно оказаться тут.

Есть Океан – река большая,
Навстречу Ахеронт течёт,
Меж ними – лава огневая

И Стикс, обратно он идёт.

Есть озеро на Ахеронте,
Туда-то души прилетят.
Кто чистый, заберут в вершины,
Нечистым – это не сулят.

Очистятся – в Аид отправят.
Не до конца – блуждай в реке,
Моли, чтобы тебя простили,
Те, кто остался вдалеке.

А души, что неисправимы,
Те прямиком в Тартар сойдут».
Такой вот миф. Кто трезво мыслит,
В том правды, может, не найдут.

Вам говорю – не бойтесь смерти,
Коль жизнь достойную прожил,
Не испоганил свою душу,
Её познанию посвятил.

Пора готовиться бы к смерти,
Закат, как видно, недалёк.
Не дам я вам распоряжений,
Заботьтесь о себе – урок».

Федон закончил речь Сократа,
Конец его нам рассказал –
Пришла жена, пришли ребята,
Расцеловал их и прогнал.

С цикутой чашу выпил залпом,
Ходил безмолвный, потом лёг.
Напомнил, петуха б отдали
Асклепию, мол, это – долг.

Поднялся яда холод вечный
И с этим сердца стук затих.
Так умер самый справедливый,
Разумный. Но не кончен стих.

(35) Ксантиппа – жена древнегреческого философа, Сократа, родила ему трех сыновей

(36) Анаксагор – древнегреческий философ, 500 – 428 г.г. до н.э.

Стих 19. Пир

Аполлодор приятель был Сократа,
Его и попросили рассказать,

О пире, где Сократ бывал когда-то,
И о котором все хотели знать.

На пире о любви том говорили.
Аполлodor всё в красках описал,
Хотя он не присутствовал на пире,
О нём от постороннего узнал.

«Раз Агафон позвал к себе Сократа,
Сказал, придут друзья к нему на пир,
Сократ принарядился, но в дороге
Замешкался, его ведь в мыслях мир.

Пришёл он только к середине пира,
Возлёг он с краю, место было там.
Хозяин всех просил не напиваться:
«Беседе лучше посвятить пир нам».

Все согласились, многие – с похмелья,
Сократу всё равно – иль пить, иль нет.
Эриксимах тогда завёл беседу:
«Поэты Эрота не славят». Ждет ответ.

«Есть предложенье – чтобы все по кругу
О боге Эроте сложили речь свою».
Сократ то с краю: «Что же слушать буду,

Пусть Федр начнёт, в конце и я «спою».

Федр говорил: «Бог Эрот он из древних,
Родители отсутствуют его.

Мы знаем все – сперва родился Хаос,
Земля и Эрот вслед из ничего.

Могучий бог любви наш славный Эрот.
Любовь всех учит – стыдно перед тем,
Кого мы любим, потому, кто любит –
Божественен, любимый – не совсем.

Не зря ведь боги душу Алкестиды,
Что смерть за мужа стойко приняла,
Пустили снова в мир с лугов Аида,
Тем наградили за её дела.

Орфея ж боги из Аида гнали,
Ругали – зря в Аид живым вошёл.
Жену ему те боги не отдали,
Ведь за любовь на смерть он не пошёл».

Павсаний молвил: «Есть две Афродиты,
Два Эрота – небесный и земной.
Прекрасен Эрот, если любят душу,
Не только тело, вот ответ вам мой».

Эриксимах, как врач, сказал он здраво:
«Живёт бог Эрот всюду, где есть жизнь.
Он двойственен, врачи всегда хотели
Для равновесия его найти бы мысль.

Уравновесить в теле жар и холод,
Сушь, влагу в равновесье привести.
Врача искусством Эрот вечно правит,
И в музыке мы можем то найти.

Гармония важна, мы это знаем –
Небесное с земным уравновесь,
Тогда порядок в теле наступает.
Таков закон врача, в том Эрот весь».

Аристофан, комедии создатель,
Свою об Эроте речь произнёс:
«Стремятся люди к целостности прежней,
Любовь ж не ценят, почему – вопрос.

Любви и храмы возводить бы надо,
И воспевать любовь поэтам то ж.
Бог Эрот любит нас и помогает,
Тем на врача частенько он похож.

Вот миф: «Когда-то были люди
В обличье не таком, как у нас есть.
При круглом теле – по четыре ножки,
Четыре ручки, два лица в нём счесть.

Могучи были эти круглы люди,
Претендовали и на власть богов.
Зевс не стерпел: «Такого здесь не будет!
Разделим их, приказ мой вам таков».

Зевс разрезал их, сёк на половинки,
А Аполлон сшивал всё на живот
И узел завязал на пуповинке.
Количество удвоил – верный счёт.

Но половинки бросились друг к другу,
Искали, как им снова прирастись.
С тех пор и ищут половинки пару,
А Эрот может им помочь найтись».

Не надо нам богов гневить, те могут
На части разделить, что ни к чему.
А Эрота бы славить неустанно,
Подвластно нас себе вернуть ему».

До Агафона очередь доходит,

Он молодой поэт и он талант,
Так совершенства Эроса возносит,
Что Эроту теперь там каждый рад.

«Блаженен Эрот – он красив безмерно,
Бежит от старости – он самый молодой,
И в чувствах нежных формы его гибки –
Приходит в души, вновь идёт домой.

Любовь и безобразие – противны,
К душе отцветшей Эрот не слетит.
Богов, людей он сам не обижает
И те его. Неправда с ним молчит.

Сильнее Эроса ведь страсти не бывает?
Сдержал ты страсть – рассудком ты силён.
И, значит, Эрот этим обладает,
Он храбр, другие качества при нём.

Благодаря ему всё возникает,
Благодаря ему всё здесь живёт.
Учитель если, то благославляет -
Талант любому Эрот принесёт.

Есть миф, что боги долго жили в распрях,
И только Эрот научил любить.

Наставник и спаситель самый лучший,
Без Эроса всем невозможно жить».

Сократ поаплодировал немного,
Потом свою речь начал говорить:
«Я думал, что для речи всегда важно,
Раскрыть предмет, а не его хвалить.

Свою я речь построю по-другому,
О целях Эроса хочу я рассказать.
Любовь всегда бывает лишь к чему-то,
В любви желание найдём приобретать.

А раз желаешь, то не обладаешь,
Ведь рослый рост не хочет получить.
Коль Эрот страсть к прекрасному имеет,
То не прекрасен – правильно судить.

Добро прекрасно, с этим все согласны,
И значит – в Эроде добро с частицей «не».
Об Эроде поведаю вам миф я,
Что женщина одна сказала мне.

Не думайте, что если не прекрасен,
То значит – безобразный он и злой.
Есть крайности, а есть и середина,

И Эрот – посере́дке, он такой.

Раз боги все блаженны, все прекрасны,
Похоже, Эрот – и не бог совсем.
Он среднее меж богом и меж смертным,
Великий гений – так скажу я всем.

Передаёт богам он все молитвы,
А людям же, конечно, их наказ.
Заполнив промежуток во Вселенной,
Связал её. Теперь мой слушай сказ.

Миф о рожденье Эрота, их много,
Пущу ещё один я в этот мир:
«Зачат он был, когда однажды боги
К рожденью Афродиты дали пир.

Силач Порос уснул, вина напился,
Бродяжка Пения к нему там подошла.
Вот – мать, отец для нашего Эро'та,
Отсюда и пошли его дела.

Как мать – всегда он груб и беден,
А как отец – силён и очень смел,
К прекрасному он тяготу имеет,
Колдун он, в философии умел.

Богам же философия не важна,
Они мудры без всяческих наук.
Невеждам философия та страшна,
Лишь гении проводят в ней досуг.

И Эрот не бессмертен, и не смертен,
За день он может умереть и встать.
Как мать – растратчик, всё, что ни накопит,
Он спустит быстро, богачом – не стать.

И Эрот – он не нежный, не прекрасный,
Предметом он любви не может быть,
Но в нём мы видим для любви начало.
В чём польза Эрота хочу я объяснить.

Наш Эрот любит красоту и благо,
То счастье людям, знаем мы, несёт.
«Любовь» – что это слово у нас значит?
Оно ведь блага' разные даёт.

Все признают, что творчество – когда мы
Из ничего в сей мир что принесли.
Но «творчеством» сапог не называем,
А музыку, поэмы бы смогли.

Вот и «любовь» – не всякое стремленье
Достичь блага' мы можем так назвать,
А только то, по моему же, мнению,
Что вечным благом можем указать.

Для человека это есть – бессмертье,
Поэтому «любовь» – не к красоте,
К воспроизводству красоты стремленье.
Как часто то проходит в маете!

И люди все беременны, конечно, -
Приходят в мир и ждут они свой час.
Все разродятся люди непременно,
Телесно иль духовно – это в нас.

Не половинки ищут, как сказали,
Стремление зачать, родить, укрыть –
Вот то бессмертие, что боги указали,
А Эрот помогает сему быть.

Раз род продолжил, ты уже бессмертен.
Но кто-то будет в вечности не так -
Философы, вожди или поэты.
Гомера память проживёт в веках.

Про путь к прекрасному тебе скажу я –

Пока ты молод, то в телах ищи.
А разницу когда в них не увидишь,
Поймешь, что красота важна души.

От нравов обратись к наукам,
Их красоту попробуй ты познать,
Тогда к учению придёшь такому,
Где о прекрасном можно всё понять.

О том прекрасном, что неизменно,
Что не рождается, о том, что не умрёт,
Несёт что добродетели для мира,
Не призрачные, нет, – наоборот».

Я к речи женщины могу добавить,
Что к красоте нас Эрот приведёт.
И этим Эрота готов я славить,
Речей хвалебных это круг замкнёт».

Как только речь Сократ свою закончил,
В дверь залы стуки, крики раздались,
Впустили к себе пьяного красавца -
Алкивиада, вина полились.

Он отказался Эрота прославить,
Боялся он Сократа едкий смех,

Но согласился, чтобы о Сократе
Он панегирик произнёс при всех.

«Сократ похож на Марсия—сатира⁽³⁷⁾,
И внешностью, и дерзок он всегда,
Речами, словно флейтой он играет,
Тем ворожит и то не ерунда.

Его я слушаю и часто плачу:
«Зачем я жизнь порочную веду?»
И только от простых речей Сократа
Я стыд в себе, обычно, и найду.

Похож Сократ наш также на силена⁽³⁸⁾ -
Снаружи не такой он как внутри.
Он говорит, что ничего не смыслит,
А сам божественен, ты это рассмотри.

Не стал со мной он мудростью меняться,
Сказав, что медь на золото – не торг.
В походах же выносливо держаться
Не каждый может, ну а он готов.

Когда нужда, то всё перенесёт он,
Когда достаток, знает толк в еде.
Я пьяным никогда его не видел,

Хотя и пьёт, когда уж пьяны все.

В боях невозмутим он и бесстрашен,
И спас меня Сократ в одном бою.
Он несравненный, мне давно то ясно.
Похоже, речь хвалебную пою.

Мы слышим часто, говорит смешное -
Всё про ослов, сапожники в чести.
Но если б заглянул поглубже в речи,
Вопросов важных много смог б найти.

Он говорит, для многих он – поклонник.
Но как-то получатся, друзья,
Что тот, кто пообщается с Сократом,
Его поклонником становится не зря».

Сократ прослушал речь и молвил,
«Наверно, хочешь ревность принести.
Давайте мы уже закончим с этим,
Такие речи нам всем не к чести!».

Толпа гуляк ещё в тот зал ввалилась,
Пир или пьянка закрутилась там.
Одни ушли, другие прикорнули,
Сократ с двумя сидел, будто не гам.

До петухов велась меж них беседа,
Сократ всё убеждал – коль ты поэт,
То в силах и трагедию поставить,
И для комедии всегда найдёшь момент.

И те уснули, а Сократ собрался,
В ликей пошёл учить там молодых.
Лишь к вечеру он до до'му добрался.
Такая выдержка и до волос седых!».

(37) сатиры – в древнегреческой мифологии жизнерадостные козлоногие лесные божества, демоны плодородия

(38) силены – здесь употребляется для обозначения статуй божеств с непонятной внешностью и божественной сущностью

Стих 20. Федр

Отправившись за город прогуляться -
Врачей совет исполнить он хотел,
Сократа встретил некий Федр однажды,
С собой позвал, пока нет важных дел.

Федр обещал пересказать Сократу

Трактат, что Лисий⁽³⁹⁾ о любви создал.
Сократ согласен, видя под накидкой
Федр прячет свиток – вот бы почитал.

Прошлись по мелководью босы,
Сократ без обуви всегда ходил.
У речки под большим платаном
И разместились, он им угодил.

Федр говорил, что у похожей речки
Борей⁽⁴⁰⁾ похитил женщину одну.
Сократ не хочет погружаться в мифы,
Сейчас, мол, это вовсе ни к чему.

Живёт по принципу – себя познать бы,
Не хочет тратить сил на чудеса.
Удобно лег, обвёл окрестность взглядом:
«Красиво как и чисты небеса».

«Ты не выходишь из-за стен афинских,
Как чужеземец смотришь ты вокруг» -
Промолвил Федр. «Читай трактат скорее,
Раз поманил им, о, мой юный друг».

Федр зачитал: «Побольше угождайте
Вы нелюбимым, от влюблённых – вред.

Проходит страсть, влюблённые считают,
Какой ущерб принёс любви им бред.

Как много дел в то время пропустили,
С родными разругались навсегда.
Вновь полюбив, влюблённые не скажут
Хороших слов о прежних никогда.

Влюблённых назовём больными,
Рассудок их, конечно, повреждён -
Не допускают до бесед с другими.
Мучения влюблённых мы учтём.

Кто не влюблён, не будет обижаться
И ссориться по разным пустякам.
Я дам совет влюблённым – угождайте
Лишь тем, кто долго верен будет вам.

Тогда влюблённость принесёт обоим
Блага и пользу, в этом и закон».
«Сократ, ответь, трактатом ты доволен?
Я же скажу, что превосходит он!»

- «Красив трактат, но смысла маловато».
- «Попробуй лучше о любви сказать».
- «У древних слышал – у Сафо⁽⁴¹⁾, слова я,

Но Лисий тоже прав, не стану лгать».

– «Сократ, не сдвинусь я отсюда,
Беседы впредь не буду я вести,
Пока речь о любви я не услышу».
Сократ согласен речь произнести.

«Чтобы понять вред от любви иль польза,
Надо узнать «любовью» что зовём.
С рождения желаем удовольствий,
Но с воспитаньем к нравам мы идём.

Чревоугодие – влеченье к пище,
А пьянство – к опьянению ты слаб,
Влюблённость – к красоте телесной.
Чрезмерное влеченье, значит – раб.

Влюблённые желают, чтоб объект их
Принадлежал лишь только им всегда,
Безроден был, зависим бесконечно,
Не стал их лучше, в том то и беда.

Закончил речь, хочу на тот я берег».
– «Сократ, прохлады надо подождать».
– «О, Федр, пока мы говорили речи,
Успел мой гений что-то нашептать.

Сказал, что Эрот – он не зло, а благо.
Давай, другую речь я пропою.
И Лисию, ты передай совет мой,
Влюблённым речь хвалебную мою.

Влюблённые неистовы обычно,
А это ведь божественный нам дар.
Сивиллу⁽⁴²⁾ вспомним, бедствия, болезни
Предотвратила, загасив их жар.

Неистовство блаженное в молитвах,
И в творчестве, так говорит молва.
Творенья здравомыслящих, конечно,
Не превзойдут неистовых дела.

Неистовство даруют нам для счастья,
Поймёт то тот, кто «Что душа?» поймёт.
Бессмертье – это вечное движенье,
Его источник – что себя ведёт.

Что движимо извне, то бездуховно,
А изнутри – то поводырь тебя.
Душа бессмертна, это безусловно,
Раз движет в жизни самую себя.

Сравню её с упряжкой, кони эти
Две части от души, возничий – треть.
Все боги – в благородных колесницах,
У смертных – она разная, заметь.

Зевс на своей крылатой колеснице
Мчит по' небу, порядок он всему,
Одиннадцать отрядов возглавляет,
В них боги правят, Гестия⁽⁴³⁾ ж – в дому.

Достигнув пика мира, душа бога,
Выходит, чтоб питаться той средой,
Где чисто знание и истина–подруга,
Со знанием идёт одной тропой.

Блаженствуют богов там души,
Пока их свод опять ни донесёт
Туда, откуда начали дорогу,
Идёт по кругу тот небесный свод.

Потом их души все домой вернуться,
Займутся боги делом как всегда.
Ждут, повелитель Зевс опять отправит
За пищей той, что всем богам нужна.

У смертных души разный путь имеют.

Торчит лишь голова одних в миру
Заоблачном, но мчатся его кони,
И не успеть понять всё на бегу.

Вторые души кони мчат скачками,
Возничий то в заоблачье, то нет.
Поэтому он многое пропустит,
Не разглядит небесный этот свет.

Повозки третьих силы не имеют,
Мчат в глубине, топча других вокруг.
И крылья их ломаются скорее.
Так всё печально с ними, юный друг.

Душа парит бессмертная в пространстве,
Падёт на Землю – в твёрдое войдёт,
Возникнет смертный, так гласит поверье.
Пока души нет, жизнь к нам не придёт.

Душа крылата, вмиг теряет крылья,
Когда дурное вдруг приобрела.
В животное тогда ей не вселиться -
Расплата за плохие то дела.

Те души, что увидели немало,
Вселяются в плод наших мудрецов,

В тех, кто и к Музам станет близок,
Скажу иначе – в гениев-творцов.

В царя, хозяина, врача или поэта,
В умельца, землепашца – те войдут,
Кто мира суть не всю узнал в поездке.
Последние ж – в тирана забредут.

Душа, что истины совсем не знала,
Не сможет в человеке вовсе быть,
Другая участь на земле досталась –
В растениях, животных ей прожить.

Лет тысяча душа живёт, кочуя,
Потом ей – суд, но не идти наверх,
В темницу бросят, если суд осудит,
Или – гулять в полях средь их утех.

Сто сотен лет не быть душе в покое,
Не быть ей там, откуда к нам пришла.
То срок, чтоб крылья появились снова,
Без крыльев не поднимется душа.

Есть исключенья срока окрылений –
Влюбленным это меньше раза в три.
Влюбленных боги, видно, полюбили,

Заслуги, значит, в чём-то их учли.

Душа философа всегда томима,
Он смутно помнит то, что было Там,
И смотрит ввысь, а низкое не важно,
«Он одержимый» – говорят все нам.

И мало душ, кто истину ту помнит,
Обычно – ощущение красоты,
Что в нашем мире зрению подвластно.
Влюбленность начинается с мечты.

С влюбленности начнут расти и крылья,
Как рост зубов, в ней много беспокойств.
С любимыми мы крылья обретаем,
Вдали от них – не видим этих свойств.

Влечение к любимым – это Эрот,
Душа влюбленных помнит, где была,
В каком отряде Зевсовом летела,
Те качества потребует она.

А если без любви сойдутся люди,
То девять тысяч лет пройдут как дым -
Ни крыльев, ни вернуться, куда хочет.
Зачем же жить так долго, но таким?

Слоняются веками эти души,
Кто по земле, подземный есть удел.
Вот песнь моя похвальная Эроту.
Ты Лисию скажи – ругать б не смел».

Федр оценил вторую речь Сократа.
– «Почтенные боятся речь сказать,
Мол, их софистами признают люди,
Презрением их могут наказать».

«Не прав ты, Федр» – ему Сократ ответил,
«Постановления почтенных тех людей
Звучат как речи, да еще вдобавок
Одобрены Советом для суде'й.

Любая речь красивою должна быть,
Ты не согласен с этим, Федр, ответь?»
– «Согласен, благородно то занятие,
Но не пристало лишь о теле петь».

– «Тогда продолжим мы с тобой беседу
Под треск цикад, что Музам говорят,
Кто из людей какую Музу славит,
Философ – Калиоппу славить рад.

Чтоб речь была искусной, непременно,
Оратор должен истину постичь».

– «Я не согласен, слышал изречение –
Важна' не истина, а важно угодить.

Что большинству приятно, то и надо
Прославить в речи, вот и весь секрет».

– «Порассуждаем, Федр, мы об этом.
Вдруг смысла в этом утверждение нет?

Представь, коня ты боевого ищешь,

А я осла тебе взамен всучу,

О ком понятия вовсе не имеешь.

То – хорошо ли? Здесь я промолчу.

Оратор может злое ведь прославить,

Когда народ запутался со злом.

Не надо бы оратору лукавить –

Не знаешь истины, не говори о том.

Я слышал: «Красноречье – это навык»,

Искусством, мол, не надо то считать.

Я полагаю, это есть уменье

Словами наши души зажигать.

Оратор может, если он захочет,

Логическую линию вести
И доказать, что вещь несправедлива,
Хотя на деле в ней то не найти.

Оратор должен знать суть вещи,
Скачком к абсурду сложно перейти.
Нам изучить подобие пристало,
В ораторстве – то главные пути.

Мой вывод об ораторском искусстве –
Не знаешь истины, то речь твоя смешит.
Давай, теперь рассмотрим наши речи,
Оценку их лишь истина вершит.

Предметы можно разделить на виды.
Один вид, где сомнений никаких.
Ведь если говорят что о железе,
То всё понятно слушателям их.

А «справедливость», «благо» – то иное,
Здесь мнений вечно будет целый ряд.
Скажи мне, Федр, о красноречье слово,
В речах о чём, ему ты будешь рад?»

– «Конечно, где сомнения в предмете».
– «А, значит, важно нам узнать предмет».

Любовь относим к тем, где есть вопросы,
Когда не знаешь точный ты ответ.

Как строить речь? Твой Лисий не логичен,
С конца предмет он рассмотрел, отметь.
В речах должно быть всё на нужном месте,
И голову, и хвост должно иметь.

Есть речи, что не важно их строенье -
Порядок фраз в них можно поменять.
Но я имею собственное мнение -
Есть правила в речах, их надо знать.

Быть может речь от общего до части,
А можно части взять и увязать.
Всё это диалектикой зовётся.
А как же речи Лисия назвать?»

– «Сократ, хочу тебя я слушать,
Ты дай мне красноречия урок».
– «Я признаю для речи построенье:
Вступленье, изложение, итог.

Другие предлагают – подтвержденье,
Опроверженье, изреченья в них,
Не истина важна, правдоподобье.

Я не приемлю изысков таких.

Есть те, кто время речи очень ценит -
Должна не длинной, не короткой быть.
«В чём сила красноречия?» – спросил ты.
В нём истину бы надо не забыть.

Тот, кто умеет вызвать у нас рвоту,
Ещё не врач, хоть кое-что постиг.
Тот, кто умеет, речь составить грозно,
Ещё не трагик, хоть один язык.

Всё то, что перечислили о речи,
То подступы к искусству говорить.
Оратором не станешь ты блестящим,
Коль нет таланта, в этом деле быть.

Но так же как борец, имея силу,
Без упражнений будет никакой,
Оратор без учения в искусстве
Не станет управлять любой толпой.

Что главное в ораторском искусстве?
Врач должен всю природу тела знать,
А тот, кто к красноречью стремится,
Души природу должен понимать.

Он должен различать души подвиды,
Понять, какой душе – какая речь.
Когда сказать короче, когда длинно,
Подлить где жалость иль восторг разжечь.

Такие принципы искусства красноречья.
Другие говорят – не прав, мол, там,
Где я об истине твержу всем вечно.
Им главное – подать как правду хлам.

Не важно, что в той речи правдой будет,
И часто правда, мол, для всех вредна.
Умей подать ты ложь правдоподобно,
Искусство – в том. Мне ж эта мысль чужда.

Еще раз повторю – искусство речи:
Учесть, кто слушатель, и изучить предмет,
Одной идеей охватить все части.
Другого правила для речи вовсе нет.

Рассмотрим, а важна' ли запись речи
Той, что составил ловко в голове.
Легенду о Египте расскажу я,
Чтобы понятней стало всё тебе.

Родился как-то бог там, звали – Тевтом,
Он изобрёл число, счёт, письмена.
Пришёл к царю по имени – Аммону,
«Прими на службу» – попросил – «меня».

Расхваливал свои изобретенья,
Аммон послушал и сказал в ответ,
Что у него совсем другое мненье,
И письмена – не польза, только вред.

Невежество войдёт в привычку,
Про память все забудут насовсем,
Их мудрость станет внешней, мнимой,
Не будут думать, скажут: «А зачем?»

Сравню любые записи с портретом,
Не станешь ведь с портретом говорить.
И речи, Федр, записанные кем-то,
Мертвы, по-моему, ведь их не изменить.

Я думаю, что это развлеченье
И боязнь старости – стремленье записать.
По мне – найти б желающую душу,
В беседах с ней все мысли передать.

Посеять семя, от него – другому,

Так мысли наши будут вечно жить.

А Лисию скажи, что порицаю -
Нельзя, не зная что-то, говорить.

Не важно, что кто сочиняет,
Как Лисий – речи, как Гомер – стихи,
Солон⁽⁴⁴⁾ – законы, важно – пусть он знает,
Что только истины побеги велики.

Таких людей мы назовём «философ» -
Любитель мудрости, мудрец – то только Бог».
Федр востепенулся, мол, жара уж спала:
«Пошли, Сократ, наш путь ещё далёк».

«Я помолюсь» – на то Сократ ответил,
Молитва так звучала у него:
«О, боги, дайте быть внутри прекрасным,
А что извне – лишь дружбу чтоб несло».

⁽³⁹⁾ Лисий – афинский оратор Древней Греции, род. 380 г. до н.э.

⁽⁴⁰⁾ Борей – в древнегреческой мифологии божество, олицетворяющее северный бурный ветер

⁽⁴¹⁾ Сафо – древнегреческая поэтесса и музыкант, 630–570 г.г. до н.э.

(42) сивиллы – пророчицы, прорицательницы в Древней Греции

(43) Гестия – в древнегреческой мифологии богиня семейного очага

(44) Солон – афинский политик, законодатель и поэт Древней Греции, 630–559 г.г. до н.э.

Стих 21. Тэстет

Евклид поведал как-то другу
Беседу, что Сократ имел
С Тэе'стетом, давно то было.
Мол, записать он всё успел.

Сказал Сократ юнцу при встрече:

«Тебя здесь Феодо'р⁽⁴⁵⁾ хвалил,
Превозносил твои таланты».
«Шутил» – ответ на это был.

– «На шутку это не похоже.
Чему ж ты учишься, дружок,
И геометрии, и счету -
В том много знаний приберёг?

Ответь мне, что такое «знание»?»

– «То, что глаголет Феодо'р,

И то, чему сапожник учит».

– «В определении – раздор.

Как будто на вопрос «Что «глина»?

Ответ: «А то, что для горшков».

Что «знание», я спросил, Тэе'стет,

Искусства ты мне счастье готов.

Ты знаешь, я сын повитухи,

То ремесло и мне идёт.

Богини Артемиды⁽⁴⁶⁾ слуги,

Родить им возраст не даёт.

Но помогают разродиться

И свахи – урожай хорош.

Ведь кто плоды собрать умеет,

Тот знает про посеvy тож.

Мне повитухи уступают,

Их дело – плоть, мне – мысли взять.

Их плод лишь истинным бывает,

Могу я призраки принять.

Как повитухи, я не плоден,

Я лишь вопросы задаю
И помогаю разродиться,
Юнцам тем мысли их дарю.

Бывает, свахой выступаю -
Я отправляю и к другим.
Ведь люди разные бывают
И мысли их чужды' моим.

Доверься ж мне, Тэ'стет юный,
Не говори, что ты простак.
Мне отвечая на вопросы,
Увидишь, что это не так».

– «Сократ, скажу, что «знание» –
Это есть «ощущение» о нём».
– «Похоже, Протагор совет дал,
Его мы мысли разберём.

Он утверждает: «Мера вещи –
Лишь человек», такой наш свет.
Не может ветер быть холодным,
Кому-то – «да», кому-то – «нет».

Он утверждает: «Всё в движенье»,
Так говорил и Гераклит,

Что вещь не есть одно –
Всё время она с размерами чудит.

Согласен, есть примеров уйма:
Движеньё – жизнь, в покое смерть,
Душа и тело без движенья
Разрушатся, ты то отметь».

– «Согласен я – движеньё благо,
Покой тогда, конечно, – нет».
– «Вот эта мысль твоя удачна,
А говорил, что мыслей нет.

Однако, я хочу отметить,
Что вещь собой должна всё ж быть.
Не может вещь, не изменившись,
Другой стать, по другому жить.

Мы если что-то не отнимем,
Вещь не уменьшится сама.
И если вещь не появилась,
Существовать вещь не должна.

Опровергая Протагора,
Я допущения привёл.
Не говори: «Сократ стал меньше»,

Ты просто вырос и расцвёл».

«Я в изумленье пребываю» -

Тэе'стет выразил восторг.

– «Учитель прав был, ты – философ,

Раз мысли эти не отторг.

Есть люди, верят они чувствам,

Когда потрогают лишь вещь.

А есть другие и их тайну

Я расскажу, пока мы здесь.

Для них движение – источник,

И без него, мол, жизни нет.

Два вида – действие, страданье,

Их пары создают весь свет.

Цвет – зрение, а звук – для слуха.

Где действие, а где предмет?

Они меняются местами,

Существованья ж вещи нет.

Тэе'стет, мир тебя устроит,

Когда всё зыбко, всё – мираж?»

– «Мне нравятся те рассужденья».

– «А как безумие, тогда ж?

Безумные своё ведь видят.
Мы рассмотрели твой ответ.
Так «знание» – то не «ощущенье»,
Когда у каждого свой цвет».

– «Да, с этим вовсе я не спорю,
Сократ, меня ты убедил.
Безумный говорит – он птица,
Но слышать бред не хватит сил».

– «Спор – явный мир наш или мнимый,
Похож на спор – мы спим иль нет.
О «знание» мыслей не привёл ты,
Я дам о «мнении» совет.

Как рассуждают мудрецы те,
Что мнение своё лишь чтут
И утверждают – что сказали,
То, значит, истиной зовут?

Не будешь спорить, я надеюсь, -
Больной Сократ он ведь не схож
С Сократом полностью здоровым,
И ощущения их тож?

Когда я болен, то вино мне
Не сладость, горечь принесёт
И истину я не увижу.
Так ощущения – не в счёт?

Красиво Протагора слово:
«Как кажется – то, значит, есть».
Но почему мерило всё же
Лишь человек, свинью б учесть?

И если истина во всех нас,
То почему он учит нас?
И разве в мудрости не ниже
Любой для каждого из вас?»

«Теперь уже я сомневаюсь,
Верны ли те мои слова» -
Тэ'стет так сказал Сократу,
Кружи'тся парня голова.

– «Различья в знаньях, ощущениях
Найдём, лишь стоит поискать.
Ты слышишь речи чужеземца,
Язык чужой – как смысл узнать?»

Ты говорил: «Раз видишь – знаешь».

Но стоит лишь глаза закрыть,
Ты это знание теряешь, не видя?
Что ж опять молчишь?

Так, «знание» – то не «ощущенье».
А что? – Давай искать ответ.
Вблизи мы знаем что-то лучше,
А отойдём – уже и нет?

На это Протагор ответил б -
Та память, что ты ощутил,
Зависит, мол, от настроенья,
Ведь важно – в каком духе был.

Ничьё, мол, мнение не ложно –
Коль существует, то живёт,
Оратор ж мудрый то отбросит,
К дурным что действиям ведёт.

Эй, Феодо'р, включись в беседу,
Чтоб стал серьёзным этот спор,
А то с юнцами рассужденья
Вдруг превратятся в детский ор».

И Феодо'р не отказался,
Вступил он тоже в разговор.

Сократ вернулся к Протагору,
Чьим мыслям посвящён их спор.

– «Конечно, Протагор согласен,
Что есть невежды, мудрецы.
За знанием идут все к мудрым,
Они для городов – отцы.

У мудрых – истинное мнение,
Невежды – ложного рабы.
Так значит, Протагор ошибся,
Что мнения – всегда верны?

Ошибка есть и в утверждении,
Мол, «мера мира – человек».
Я думаю, что «справедливость» –
Вот мнение общее для всех.

Всё это – сложные вопросы,
В суде подняли бы на смех,
Философу ведь ну'жно время,
В суде ж господство не у тех.

Там часто правят те, кто в жизни
Коварный раб, во всём кривой,
Их в детстве не вооружили

Сознанием истины простой.

Философ быт людей не знает,
Глядит наверх он весь свой век,
От грубости всегда страдает
И ищет – что есть человек.

К царям почтенья не имеет,
Они ведь те же пастухи -
Необразованны бывают,
А часто просто и дики.

Философ видит всю нелепость,
Когда кичится знатный род -
Не могут охватить те взором
Все страны и времён черёд.

Философ часто простодушен -
Ему противно быть в рабах.
Когда привык ты льстить владыке,
То чужд гармонии в словах».

«Сократ, вот если и других бы,
Так как меня, ты убедил» -
Фео'дор молвил – «То наверно,
Всё зло бы в мире победил».

Сократ ответил: «Зло всё ж вечно,
В противовес добру оно,
Но среди богов увидим редко,
Там нет подпитки для него.

Стремимся мы в богов обитель,
Где справедливости лишь быть.
Стань справедливым, а иначе -
Повсюду грубости царить.

Те, кто забудут справедливость,
Не знают – в наказанье ждёт
Не плети, а недостижимость
Блаженства, если смерть придёт.

Кто утверждает, «справедливость» –
Закон, что принят в городах,
Забыли, ведь ошибки часты -
Невежды правят там в делах.

Раз он – невежда, его мнение,
Конечно, людям не нужно',
А значит, утвержденье это:
«Он – мера вещи» – неверно».

«Беседовал» – сказал Фео'дор -
«Я с теми, кто как Гераклит,
Твердят, что всё – это движенье.
От них лишь голова болит.

Не успеваешь за их речью,
Загадочность во всём сквозит,
И смысл, обычно, не уловишь.
Невеждой он других бранит».

«Да, разные бывают мненья
О мире» – отвечал Сократ –
«Есть, кто толкует о движенье,
Другой же постоянству рад.

С тобой мы где-то посередке.
Не разорвали чтобы нас,
Обсудим, что для них «движенье»,
Поймём – в движенье ли сейчас.

Движенье есть при смене места
Иль свойства, что вещам важны.
Конечно, если всё в движенье,
Два вида в действии нужны.

Отсюда что же происходит? –

Был белый, но уже не тот,
А значит, имя нет для цвета.
Какой наш мир – кто разберёт?

К примеру, зрение возьмём мы -
Ты видишь, но раз всё «течёт»,
Уже не видишь, и опять нас
Такой подход к беде ведёт.

Беда же в том, «Любое мнение -
Изменчиво» – они твердят,
А получается, «Всё – верно
И всё – неверно» – всем кричат.

Выходит, Протагора фраза,
Что «Мера вещи – человек»,
Была неправильною сразу,
Раз всё меняется у всех».

«Сократ, скажи о «неподвижных» -
Тэ'стет тут же попросил.
Сократ ответил: «С Парменидом⁽⁴⁷⁾
Встречался, он уж старым был.

Он утверждал, что всё – едино,
Все неподвижно. Мысль его

Так глубока, что дна не видно
И долго нам искать то дно.

Вернёмся лучше мы к беседе
О знании. Хочу узнать,
Глаза – то чем мы видим вещи
Иль ими – помощь получать?

Ответил – помощь, да, Тэе'стет,
Ты молодец, хочу сказать.
Мы видим, слышим всё душою,
И ей лишь орган назначать.

Мы органы для чувств имеем,
Одно другим не заменить.
Что выбрать, то душа решает,
Она их может применить.

Душа использует как тело,
Так и сама мир познаёт.
Рождаясь, чувства мы имеем,
Но опыт жизнь нам лишь даёт.

А значит, «знание», «ощущенье» –
То не одно, как ты сказал».
– «Наверно, «знание» – это «мненье»,

Когда об истинном узнал».

– «Тэ'стет, в этой твой фразе
Звучит: «Есть мнения во лжи».
Давай, рассмотрит это тоже,
Узнаем, мненья чьи важны.

Мы вещи знаем иль не знаем,
Другой ответ ты не найдёшь.
А если знаем, то откуда
Берётся в наших мненьях ложь?

Быть может, ложное лишь мненье
О вещи, какой в мире нет?
Но, если ты представил что-то,
Оно уж есть – такой ответ.

Быть может, в разуме мешаем
Мы вещи – спутал человек?
Или теперь уже признаем,
Что ложных мнений нет вовек?

Ты говоришь, Тэстет юный,
Мол, «заблужденье» – вот что «ложь».
Подумаем, что значит «мыслить»,
Раз в том процессе ложь найдёшь?

По мне, «мышление» – беседа
С самим собой и в этом суть.
Когда ты в чём определился,
С души уходит кривды муть.

Никто в душе ведь не признает,
Что лошадь – бык, а нечет – чёт,
Хотя словами он играет,
Словами иногда он врёт.

Как может кто-то ошибиться
И мненье ложное иметь
О том, о чём имеет знанье?
На это ты, мой друг, ответь».

– «Издалеку могу я спутать,
Сказать, идёт, мол, не Сократ».
– «Пример хороший ты приводишь,
Примеру этому я рад.

Поверье есть – в душе дощечки
Из воска – сердце то души.
Их Мнемосина⁽⁴⁸⁾ подарила,
Для памяти они нужны.

Дощечки могут быть удачны,
А могут – твёрды иль малы',
И записи на них стирают
Года прошедшие и дни.

Когда мы что-то наблюдаем,
Дощечку ищем мы в душе,
Прикладываем – совпадает,
Вот мненье верное тебе.

И если воск души глубокий
И гладок – станешь мудрецом.
Когда дощечка загрязнилась
Иль мало места – то глупцом.

Осталось у меня сомненье.
Вдруг «ложное» – не в том совсем,
Что мысль не верит ощущенью.
Коснёмся «знания» мы тем.

Что значит «знать», ведь ты согласен,
«Приобретать» – то «не иметь»?
Ты можешь плащ купив хороший,
Его ни разу не надеть.

Представь в душе такую клетку -

Мы родились, пуста она,
Мы учимся и помещаем,
Как птиц, мы знания туда.

Когда нам надо, птицу ловко
В той клетке можем мы поймать.
Бывает, что не ту ухватим, -
Ошибкой будем называть.

Еще страшнее, если в клетке
Имея кучу разных птиц,
О них ты ничего не знаешь –
Пал пред невежеством ты ниц».

– «Сократ, а может, в этой клетке
Незнанья птицы могут жить?»
– «Тэе'стет, этим круг замкнулся,
О «знание» вновь вопросу быть.

– «Быть может, истинное мнение –
Так можно «знание» назвать?»
– «Есть те, кто это отвергают –
Оратор может всем налгать.

В суде он убедит любого,
Что вор – не вор, признают там.

И есть судья, назвал он «знаньем»
Лишь то, что ты увидел сам.

Но судит с истинного мненья.
Ты видишь, это не одно.
Другое дай определенье,
Что «знание», нам зачем оно?»

– «Я слышал, «знание» в «объясненье»,
Не объяснимо – не познал».
– «Тэ'стет, я тебе открою,
Мой сон, который кто-то дал.

Первоначала есть у мира,
Их невозможно объяснить.
Переплетаясь меж собою
Создали вещи, с ними жить.

У каждой вещи имена есть.
Переплетение имён
Мы называем объясненьем,
Без них мы вещи не поймём».

– «Я с этим полностью согласен» -
Тэ'стет молвил, а в ответ
Слова Сократа он услышал:

«Согласен? Ну, а я то – нет.

Ведь это странно – если «что-то»
Имеет части, свойства их
В то «что-то» точно переходят,
Иль «что-то» мыслим из других.

К примеру – слоги есть и буквы,
Ты скажешь, «буквы» не понять.
Раз эти вещи неделимы -
Первооснову в них искать.

Но «слог» понять, конечно, можем –
Его на «буквы» разобрать.
Мы размышленья подытожим –
Иль то – не части, иль – не знать.

А также вспомни – что мы учим,
Когда срок грамоте пришёл?
Не «слоги» – «буквы» изучаем,
Их неделимость – ни при чём.

Так, что мой сон и утвержденье,
Что «знание – «объясненье» лишь,
Не верно, в этом есть сомненье.
«Да, так», Тэе'стет, говоришь?

Добавлю я про «объяснения» –
Три способа могу назвать.
Мы мысли звуками покажем,
Потоки слов – им то под стать.

Однако, в этом утверждении
Просчёт есть – ведь «повозку» ты
Не сможешь объяснить словами,
Перечисляя все узлы.

Есть способ два – иди от части,
От буквы до громады слов.
Но в детстве буквы мы не знаем,
А имя ты сказать готов.

И способ три – мы ищем знаки,
Чем вещь отличат от других.
Вот – Солнце, яркостью блистает
На небе средь вещей иных.

Но в этом тоже недочёты,
Один хочу я указать -
Не верно, что тебя узнаю,
Когда отличья буду знать.

Выходит, всё, что утверждал ты
О «знание» – это ерунда.
Но смысл беседа всё ж имела –
Ты будешь размышлять всегда.

(45) Феодо'р Киринейский – древнегреческий геометр V до н.э.

(46) Артемида – в древнегреческой мифологии вечно юная богиня охоты, покровительница всего живого на Земле, дающая счастье в браке и помощь при родах

(47) Парменид – древнегреческий философ, утверждавший «Бытие – есть чистое настоящее. Оно неподвижно и однородно», 515–450 г.г. до н.э.

(48) Мнемосина – в древнегреческой мифологии богиня, олицетворяющая память

Стих 22. Софист

Пришёл раз Феодо'р к Сократу
И Гостя он с собой привёл.
Сократа просит с чужеземцем
Поговорить, мол, он – умён.

Сократ узнать у Гостя хочет,

Кем мнит себя среди других -
Софист, политик иль философ,
В чём зрит различия у них?

Спросил Сократ про стиль беседы -
Каким он может их увлечь?

Ответил Гость: «Когда все мирны -
За диалог, а нет – за речь».

– «Беседуй с Гостем ты, Тэ'стет,
Ведь твой рассудок не отнять».
Тэ'стет сразу согласился -
Сократ, мол, будет помогать.

Сказал Гость: «Я пример представлю,
Чтоб выбрать путь, как рассуждать.
Рыбак обычный – кто такой он,
Как «рыбака» нам всем понять?

Тэ'стет, ты, ведь согласишься,
Что он – знаток в искусстве том?
Искусства же – создать другое
Иль приобрести. Мы что учтём?

В приобретении ты тоже
Найдёшь, конечно, два пути –

Иль добровольно переходит,
Иль подчиняясь. Как идти?

А подчинение иль явно -
Борьбу увидим мы тогда,
Иль тайное, что на охоте.
Нас дальше путь ведёт куда?

Охота может быть на суше,
Охота может быть в воде,
То мы рыбалкой называем.
Есть тоже виды в том труде.

Теперь, Тэе'стет, этим стилем
Что есть «софист» определим.
Знаток для дела он какого,
Чем средь других он различим?

Как и рыбак, софист – охотник,
Но только «на людей» она.
Охота может быть жестокой,
То называется – война.

А есть охота – убеждением
Иль средь людей, или вдвоём,
Или за плату, иль с дарами.

Как мы софиста назовём?

Признаем, что софист – охотник,
Добыча – юный, что богат?
Но, может, всё же не охота -
Обмен? Ведь получаешь – рад.

Обмен – он может быть издельем,
Что сделал сам или другой.
И знания товаром служат,
Софист – он торг ведёт с тобой.

Он обсуждает добродетель -
В беседах есть что рассказать,
За это деньги получает.
Искусство то – приобретать?

Ещё софиста как оценим?
Искусство это разделять -
Очистить душу от разлада,
Невежд в учёных воспитать?»

На эту речь Тэе'стет молвил:
«Софиста грани показал.
Но что в нём главное, не видно,
Пока я это не узнал».

– «Коль много есть определений,
Нельзя то чётким нам назвать.
Тебе я так скажу, Тэе'стет,
Софиста – в спорах лишь узнать.

Искусен в спорах он о разном -
Про жизнь людей или богов.
О всём, твердит он, будто знает.
То – невозможно, но таков.

Раз невозможно, знание – мнимо.
За что же плату он берёт?
Наверно, он шутник изрядный
И подражанье нам несёт.

Художник говорит – в картине
Он явный мир нам сотворит.
Софист – для тех, кто мир не знает,
Речами мир наговорит».

«Да, он и фокусник, забавник» -
Согласен вновь Тэе'стет был.
Сказал Гость: «Я о «подражанье»
Поведую, коль хватит сил.

Когда творим подобный образ,
То красота – есть красота.
Когда нам красота – уродство,
То это призрака черта».

– «Похожеть на вопрос – что «быть»
И что «небыть», вижу в том».
– «Тэ'стет, прав ты, давай это
Мы в рассужденье разберём».

Но Парменид давно сказал нам:
«Поосторожней надо быть -
Ведь рассуждая о «небыть»,
Позволишь и ему ты жить».

Нам лишь софист, как я считаю,
Расскажет о «небыть» том.
Творцом он призраков бывает -
Так тоже говорят о нём.

Что назовём «отображеньем»?»
– «Что видим в зеркале, в воде,
Картины, статуи мы вспомним».
– «Тэ'стет, но софист – в беде».

Он рассуждает о незримом.

Что есть в душе, не видит глаз».
– «Скажу я, что «отображенье» -
«Подобье истины» у нас».

– «Раз только «подлинное бытие»
Ты хочешь «истиной» признать,
То значит, если что подобно –
Не истинно, «небытием» звать».

– «Отображение» – то образ,
«Небытие» с «бытием» в нём видны».
– «И всё же наш софист – обманщик,
Растит он ложные сады.

Он говорит всем постоянно:
«Что сказано, уже не ложь».
Софистика – искусство спора,
Где правда–ложь, и не найдёшь.

Но вдруг «небытие» существует,
А «бытие» – когда и нет.
Ты не суди, что Парменида
Я опровергну – мой совет.

Подходы разные бывают,
Что «существующим» назвать.

Оно иль цело, иль не цело –
На части можно расчленять.

У Парменида «целость» – сфера,
Но если «бытие» – она,
Отметим край её и центр -
Нецелость в «бытии» видна.

Сказав, что «бытие» – едино,
Мы лишь о свойстве говорим.
Признав, возникшее всё – цело,
Мы «бытие» тем удалим.

Что «бытие» и что «небытьё» -
Сложнее что определить?
Рассмотрим два подхода в споре,
Чтобы вопрос нам изучить.

Одни толкуют – в мире нашем
Лишь осязаемое есть.
Другие говорят, что важно
Лишь бестелесное учесть.

Вторым – тела всегда подвижны,
Их «становлением» зовут.
Но первых я не понимаю –

Как души наши они чтут?

Те добродетели, в душе что,
На нас влияют, разве нет?
Мы их не видим, но, однако,
Они воздействуют на Свет.

Поговорим мы со вторыми.
А вдруг в их утвержденьях – вред,
Когда твердят, что важны мысли,
А осязанье – ложный след.

Мол, осязания подвижны,
Меняются от раза раз.
Мол, только «тело» познаётся,
А «истина» живёт вне нас.

Но разве души не стремятся
Наполнить бытие собой?
Я не могу представить мира,
Где нет движенья, лишь покой.

И если, что-то неподвижно,
Познать его никак нельзя.
Но если мир – одно движенье,
Как тождество найти, друзья?

Запутались с тобой, Тэе'стет -
Кто прав, теперь и не понять.
Желают дети не напрасно
Движенье в неподвижном знать.

Пришли с тобой мы к заключенью,
Что есть «движенье», есть «покой»
И «бытие» от них отлично.
Три вещи – разны меж собой.

Конечно, смешиваться могут
Те вещи, что я указал».
Тэе'стет возразил – тогда, мол,
Покой движением уж стал.

– «Возьми, Тэе'стет, вещь любую.
Вот – человек, имён – не счесть -
Укажем цвет, размер, пороки
И добродетели в нём есть.

Кто утверждает, что смешенье
Вещей в одном не может быть,
Пусть вспомнит он о человеке,
Чтобы идею изменить».

Тэ'стет снова возражает:
«Движение, покой мешать –
Их превращать одно в другое»
– «Но надо б глубже вещи знать.

Как сочетают буквы, знают
Те, кто грамматику постиг.
Как звуки сочетать успешно,
В том музыканту смысл велик.

Какое же искусство, милый,
Знаток – как вещи сочетать,
Как объяснить их связь, деленье,
Не диалектикой ли звать?

А обладает им философ.
Какие странности, друг мой, –
Искали мы везде софиста,
Пришли к философу с тобой.

Софиста сложно отыскать нам –
Он в тёмный лес бежит домой.
Философ разумом сверкает,
Тем ослепляет нас порой.

Вернёмся к «бытию», «небытию».

Быть может, мы должны сейчас
Не только про «покой», «движение»
И «бытие» вести рассказ.

«Тожественное» есть, «иное»,
Помогут нам они в пути.
Пора связать нам всю пятёрку,
Чтобы «небытие» найти.

Не надо путать отрицанье -
Обычно, в слово «нет» идёт,
С частицей «не». И «некрасивый» -
Лишь свойство, в красоте живёт.

Так и «небытие» признаем
Иным для «бытия» теперь.
«Небытьё», видно, существует.
Прав Парменид – не трогай дверь!

Лишь новичок в познание мира
Смешает тождество с иным».
Сказал Тэ'стет: «В том причина,
Что ложь в речах так дружит с ним».

Продолжил Гость: «Невежда часто
Всё от всего отводит прочь.

Но речь – идей переплетенье,
Лишимся речи – смыслы в ночь.

Софист твердит, что лжи нет в мире,
«Небытие» – не может быть.
Мы ж доказали, существует,
Чтоб в речь вплетясь, обман творить.

Чтобы добраться до софиста,
Что «речь» такое, нам б узнать».
«Софист найдёт ещё прикрыть» -
Тэе'стет начал возражать.

– «Тэе'стет, вспомни поговорку –
Когда ты духом упадёшь,
Намного сил твоих не хватит
И го'рода ты не возьмёшь.

Как речь с тобой мы составляем?
Она из слов, их связь учтём.
Есть имена – мы это знаем,
Глаголы к ним мы подберём.

Должна та речь звучать о чём-то,
Должна и качество иметь.
Речь истинна – «Сидит Тэе'стет»,

Но ложна – «Ты летишь», так ведь?

Когда беседуем с собою,
То тоже речь – внутри себя.
Ты мнение своё построишь,
Когда родится мысль твоя.

Смешаешь мненье с ощущеньем -
И представленья получил.
Раз речь и истинна, и ложна,
То ж в представленья ты родил.

В изобразительном искусстве
Творим мы образ иль обман.
Софиста отнесём к обману,
Творит он призраков дурман.

Ты помнишь, отнесли софиста
К приобретателям с тобой?
Мол, души молодых он ловит,
Теперь он – и творец земной.

Искусство творчества разделим,
То – что от Бога, – от людей.
Природа – Бога то творенье.
Хотя, есть множество идей.

Опять поделим мы искусства –
Иль вещь, иль только образ в нём.
Огонь – вещественен, конечно,
А тени от огня – в другом.

И вещь – создание человека,
Мы можем на холсте понять.
Опять с тобой искусства эти
На два мы будем разделять.

Творенье призраков поделим
На те, где нужен инструмент,
И те, где сам – орудье дела.
Такой в делении ответ.

Когда орудием бываешь,
То – «подражанием» зовут.
Оно бывает иль научно,
Иль не научно – когда врут.

Кто речи говорит с незнаньем,
Бывает простодушен в том,
Но может он и лицемерить
Иль пред народом, иль вдвоём.

Портрет софиста получился -
Он призраки в речах творит,
Запутает в противоречьях,
Что ложно – тем заговорит».

Сократ прослушал всю беседу -
Наверно, спорить нет причин.
Софист – он фокусник искусный,
Не надо слов, мол, промолчим.

Заключение от автора пересказа

Беседы умные прочли. Полезные сейчас?
Хотелось бы, чтобы века не отупили нас.